

Александра Никитична Анненская

Неудачник

Александра Никитична Анненская

Неудачник

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2886105

Аннотация

«Мальчики на дворе одного из больших домов Москвы затеяли веселую игру. Дети, человек шесть-семь, от двенадцати до четырнадцати лет, устроили настоящее сражение снежками. Трое из них укрепились в узком коридоре, между сараем и поленницей дров, остальные старались выбить их из этой позиции. Осаждающие осыпали крепость градом снежных пуль, осажденные делали смелые вылазки, чтобы добывать доски, пустые ведра и разный хлам, которым они старались завалить входы в свою крепость. С обеих сторон слышался крик и смех, начальники обоих отрядов командовали так громогласно, что их могли бы услышать сотни подчиненных...»

Содержание

Глава I	4
Глава II	11
Глава III	20
Глава IV	27
Глава V	34
Глава VI	40
Глава VII	50
Глава VIII	58
Глава IX	69
Глава X	82
Глава XI	93
Глава XII	103

Александра Никитична Анненская Неудачник

Глава I

Мальчики на дворе одного из больших домов Москвы за-теяли веселую игру. Дети, человек шесть-семь, от двенадцати до четырнадцати лет, устроили настоящее сражение снежками. Трое из них укрепились в узком коридоре, между сараем и поленницей дров, остальные старались выбить их из этой позиции. Осаждающие осыпали крепость градом снежных пуль, осажденные делали смелые вылазки, чтобы добывать доски, пустые ведра и разный хлам, которым они старались завалить входы в свою крепость. С обеих сторон слышался крик и смех, начальники обоих отрядов командовали так громогласно, что их могли бы услышать сотни подчиненных. Несмотря на довольно значительный мороз, детям было тепло от сильного движения; только руки, которыми они сгребали и бросали снег, посинели от холода.

Форточка одного из окон нижнего этажа отворилась, и из нее выглянула женская голова.

– Дети, Петя с вами? – спросил женский голос.

– Нет, мамочка, – отозвался предводитель осаждающих, красивый мальчик лет тринадцати, – он не захотел играть, вон он стоит у дверей.

Александра Петровна заглянула в ту сторону, куда указывал ее сын и действительно увидела у входа в дом мальчика, лет двенадцати, бледного, худенького, дрожавшего от холода.

– Петя, приди сейчас же домой, – недовольным тоном позвала она и, захлопнув форточку, вернулась в комнату. – Какой несносный характер у этого Пети, – обратилась она к своему мужу, Федору Павловичу Красикову, сидевшему с газетой в руках у другого окна, – ни за что не хочет играть с другими детьми; сегодня я насильно послала его, так он целый час простоял у дверей, посинел от холода, а все-таки не послушался.

В комнату несмелыми шагами вошел Петя. Это был некрасивый мальчик, с торчащими рыжеватыми волосами и бесцветными близорукими глазами. Он казался сильно озябшим; лицо его было иссиние-бледно; он весь как-то ежился и прятал покрасневшие от холода руки под свою серую гимназическую блузу.

– Скажи, пожалуйста, Петя, – обратилась к нему Александра Петровна, – зачем я тебя послала во двор?

Мальчик опустил голову и молчал.

– Петя, я у тебя спрашиваю, неужели ты не можешь хоть ответить?

Молчание.

– И как же тебе не стыдно, Петя. Я тебя не браню, я с тобой говорю, как с разумным мальчиком, а ты молчишь. Неужели тебе так трудно ответить! Отчего ты не пошел играть с детьми, как я тебе велела?

Тонкие, бледные губы Пети были плотно сжаты; он продолжал засовывать руки под блузу, но видимо не намеревался отвечать.

– Упрямый мальчик! – рассердилась Александра Петровна: – с тобой нельзя обращаться, как с порядочными детьми; поди прочь, если ты не хочешь отвечать мне, так и я не буду говорить с тобой...

Петя вышел из комнаты такими же тихими шагами, как вошел в нее, осторожно припер за собой дверь и пробрался в полутемный коридор, подальше от той комнаты, где сидели Красиковы. Там топилась печка, он уселся на полу против нее и с удовольствием грел свои иззябшие руки и ноги. При красноватом свете огня лицо его потеряло свой мертвенный бледный оттенок, губы перестали упрямо сжиматься, складки между бровями разгладились, все черты лица смягчились.

Пригретый печкой, один в полутемном уголке, он почувствовал себя спокойно, хорошо, и вспомнилось ему, что так же спокойно и хорошо бывало ему давно-давно, когда он жил дома, в деревне, совсем маленьким мальчиком...

Отец его служил приказчиком в имении Федора Павлови-

ча, жалование получал маленькое, а семья у них была большая, две сестры старше его да двое или трое детей моложе; мать должна была сама и стирать, и стирать белье, и детей нянчить, и корову доить. Работа утомляла ее, постоянные лишения раздражали, она ворчала на мужа, бранила и била детей; в избе было тесно, душно, неудобно, постоянно раздавался то крикливый голос хозяйки, то плач или возня ребят. Пете – тихому, слабенькому мальчику – жилось плохо. Отец досадовал, что старший сын уродился у него какой-то неудачный, ладящий, мать находила, что он вечно мешает, вечно суется под ноги, старшие сестры смеялись над его близорукостью и неловкостью, младший брат, здоровенный, краснощекий буйан Федюшка при всяком удобном случае старался поколотить его или вцепиться ему в волосы. Но среди этого шумного, неудобного дома был уголок, куда мог спастись Петя, где он чувствовал себя хорошо: этим уголком была комнатка на чердаке, где жила старая, слепая тетка его отца.

В крошечной низенькой келейке старушки всегда было тихо, чисто, спокойно. В переднем углу висело несколько образов с потемнелыми от времени ликами святых и в праздники теплилась лампада; печка с лежанкой служила старухе кроватью; простой некрашеный стол, такой же стул и зеленый окованный железом сундук составляли всю меблировку. Тут-то, на этом сундуке, прижавшись спиной к тепленькой лежанке, любил сидеть маленький Петя. Бабушка не видела, какой он некрасивый, неловкий, для нее он был всегда же-

ланным гостем, и когда она гладила своей морщинистой рукой его рыжие щетинистые волосы, когда она говорила с ним своим кротким, ласковым голосом, он забывал все огорчения, все насмешки и обиды других, он сам становился добрым, ласковым ребенком. Другие бранили его за то, что он ничего не умеет делать, а бабушка находила, что никто не умеет так ловко услужить ей, как он, никто так осторожно не сводит ее с лестницы, не проведет в церковь к местечку, где не толкают и откуда слышна служба. У старухи болели ноги, ей трудно было сходить вниз по крутой лестнице чердака, и она целые дни сидела одна в своей горенке и постоянно с какой-нибудь работой в руках: она вязала чулки, ткала из покромek сукна коврики и туфли, плела из соломы и из ивовых прутьев корзины. Все эти вещи покупали у нее проезжие торговцы и хотя они давали ей очень немного за ее труд, но она все-таки могла и платить племяннику за свое содержание, и иметь деньги на свои небольшие потребности: на масло в лампадку, на свечку перед образом, на ватную кацавечку к зиме. Петя сначала удивлялся, как это слепая старушка может так хорошо работать, потом попробовал подражать ей и мало-помалу научился всем ее рукодельям. Увидя, что он вяжет чулок, сестры подняли его на смех, мать подумала: «Ничего из него путного не выйдет!», отец неодобрительно покачал головой.

Петя сконфузился, он старался скрывать свои работы от домашних, но когда оставался один с бабушкой и видел, как

быстро мелькают в руках ее спицы чулка, как легко перебирает она пестрые полоски сукна, гибкие прутья и тонкие блестящие соломинки, ему неудержимо хотелось поработать вместе с ней, быть «совсем как бабушка». Отец рано начал учить его грамоте: он надеялся, что слабенький мальчик окажется способным хоть к умственному труду. Петя учился прилежно, чтобы угодить отцу: он покорно исписывал крупными буквами толстые тетради серой бумаги, безропотно складывал, вычитал, умножал и делил длинные ряды цифр, а чтением скоро стал заниматься даже с удовольствием. Впрочем, те истрепанные книжки грамматики и «Землеописания», из которых отец заставлял его каждый вечер прочитывать себе по одной, по две страницы, мало привлекали его; читал он охотно только у бабушки. У старухи в сундуке нашлось несколько житий святых и какое-то старое путешествие к святым местам; эти книги, то благоговейное внимание, с каким слушала их старушка; пробудили в мальчике любовь к чтению...

Живо, точно это было только вчера, представилась ему маленькая горенка, освещенная лучом заходящего солнца; старушка сидит на сундуке с вязаньем в руках, а он на полу, у ног ее. Большая книга «Путешествия» лежит на его коленях. Он водит пальчиком по пожелтевшим страницам и медленно, запинаясь на трудных словах, читает: «И вот вдали заблестели главы церковей святого города, и наполнились глаза странников слезами радости и пали они на колена и возбла-

годарили Создателя...»

– Слава тебе Господи! – набожно произносит старушка.

И сердце его радостно бьется сочувствием к благочестивым путникам, достигшим, наконец, цели своего трудного пути...

– Петя, Петя!.. Да где же это он? Учитель пришел... Петя! Иди скорей! – раздались голоса.

Глава II

Медленно, неохотно поплелся Петя в классную комнату: там уже сидели за учебным столом его товарищи, сыновья Федора Павловича, тринадцатилетний Виктор и одиннадцатилетний Боря.

Все трое учились в гимназии: Виктор в третьем, а Боря и Петя – во втором классе.

– Скорей, скорей принимайтесь за дело, господа! – торопил мальчиков их репетитор, студент университета, – вы просрочили целых пять минут! Живее за работу. – Петя! А вы что такой сонный?

Петя, действительно, вяло и неохотно брался за книги. Ему трудно было сразу оторваться от воспоминаний, нахлынувших на него около теплой печки, трудно было от трогательной истории благочестивых странников сразу перейти к латинской грамматике, а между тем это было необходимо.

И в то время, как через два часа оба брата с облегченным сердцем уложили свои книги в ранцы и убежали из классной, с Петей учителю пришлось заниматься еще лишние полчаса.

Петя остался один в классной. Из столовой слышались голоса. Вся семья собиралась пить чай, мальчик устал затверживать латинские спряжения, немецкие слова и трудные названия незнакомых городов, а тут еще учить такое трудное стихотворение! Он прочел его раз, два, попытался вспом-

нить, ведь это старое, он его хорошо знал три месяца тому назад, нет, не помнит ни строчки, надо долбить как новое. Ему и трудно, и досадно, усталая голова отказывается работать, и он путает строчки, перевирает слова.

– Что, Петя, ты все еще долбишь? – раздается около него веселый голос Виктора. – Брось, брат, иди чай пить, мы уж отпили, перед сном еще раз прочтешь!

– Да я еще ничего не знаю! – с отчаянием вскричал Петя.

– Эка важность! Может, тебя завтра и не вызовут.

– Может, и вправду не спросят! – утешал себя Петя, закрывая книгу и следуя за Виктором в столовую.

Вся семья еще сидела за чайным столом и перед Петиним прибором стоял большой стакан чаю с молоком и булкой.

– Вот видишь ли, Петя, – начала Александра Петровна, едва мальчик сел на место, – как дурно не слушаться. Ты не хочешь гулять, играть с детьми, оттого тебе и учиться так трудно. Неужели приятно сидеть целый вечер над книгами, а в гимназии все получать единицы да двойки? Ну, скажи мне: сознаешь ли ты, что поступаешь нехорошо. Постараешься ли исправиться? Да не молчи же опять, ответь мне!

– Постараюсь! – проговорил Петя, чувствуя, что от допросов Александры Петровны куски останавливаются у него в горле.

– И отчего это ты всегда такой дикий, необщительный? – продолжала она, видя, что мальчик торопится допивать свой чай, чтобы улизнуть от нее. – С детьми ты не играешь, со

мною не хочешь быть откровенным. Кажется, я всегда добра к тебе, забочусь о тебе, а ты? Четвертый год живешь у нас и все чуждаешься нас. Отчего это?

Петя опустил голову, и слезы навернулись на глаза его, но он не мог ни лаской, ни искренним ответом отозваться на вопросы Александры Петровны.

Она несколько секунд молча смотрела на него, ожидая от него какого-нибудь слова, какого-нибудь проявления чувства, но видя, что эти ожидания напрасны, проговорила строгим тоном.

– Иди спать! Дети уже в спальне.

Петя с тяжелым сердцем вышел из столовой.

В спальне Витя и Боря затеяли перед сном ожесточенную борьбу друг с другом. Петя никогда не принимал участия в таких забавах: он знал, что был очень слабосилен, и это делало его робким. Тихонько пробрался он к своей постели, поспешно разделся, закутался в одеяло и притворился спящим. На самом деле он долго не мог уснуть. Витя и Боря перешли от драки к громкому смеху, потом к смирному разговору и наконец оба крепко заснули, а он все лежал, отвернувшись к стене, с широко открытыми глазами. Вопрос Александры Петровны заставил его задуматься. Он чувствовал, что она была права. В самом деле, больше трех лет живет он в доме Красиковых, никто его не обижает и все-таки он не может не чувствовать себя чужим, не может держаться совершенно свободно и непринужденно. Теперь еще немного лучше,

а первое время жизни в Москве, как он стеснялся, как всех и всего боялся! Он вспомнил, как там, дома, в деревне ему стало страшно, когда заговорили, что на лето господа приедут в свое имение.

Обыкновенно Красиковы проводили лето где-нибудь на даче в окрестностях Москвы, а тут им вздумалось для разнообразия пожить месяца три в своем Медвежьем Логе. В имении поднялась суматоха: старый дом, стоявший заколоченным, начали мыть, чистить, проветривать, протапливать: ветхую мебель выколачивали, подклеивали, подштопывали, покрывали лаком. В саду, давно заросшем крапивой и бурьяном, появились дорожки, усыпанные песком, клумбы красивых цветов, аллеи подстриженных лип и акаций. Управляющий бегал, суетился и кричал до хрипоты с утра до вечера, скотница вдруг вспомнила, что надо беречь барское молоко и масло, птичница пересчитывала по десяти раз в день цыплят, утят и индюшат. Петин отец стал переписывать прошлогодние счетные книги.

Все эти приготовления, вся эта суета не могли не производить впечатления на тихого, робкого восьмилетнего мальчика. В воображении Пети господа представлялись какими-то особенными высшими существами, и он с замиранием сердца ожидал их появления. И вот они приехали: отец, мать, гувернантка и двое мальчиков, семи и девяти лет. По-видимому, в них не было ничего страшного. Федор Павлович и Александра Петровна никого не бранили, ни на кого не кри-

чали, со всеми говорили вежливо, даже к одноглазому работнику Федоту обращались не иначе как на «вы»; дети бегали по саду и по двору, кричали, смеялись, играли, как всякие другие дети; гувернантка была так тиха и молчалива, что почти никто не слышал ее голоса. Кажется, чего бы бояться – люди самые обыкновенные, а между тем не только маленький Петя, но и все старшие признавали, что эти обыкновенные люди совсем не то, что простые жители Медвежьего Лога. Вставали они не с восходом солнца, а почти перед обедом, ели совсем особенные, никому неизвестные кушанья, которые готовил для них московский повар, одевались в платья особого покроя, целый день сидели они или в комнатах, или в саду; разве вечером перед закатом солнца выходили погулять в поле. Александра Петровна боялась и собак, и коров, и свиней, и гусей, гувернантка взвизгивала при виде лягушки, дети не смели подходить к лошадям, есть сырые яблоки, купаться в мелкой грязноватой речке.

Петя вместе с младшим братом и другими деревенскими мальчиками подсматривал в щели забора, как господа пьют чай в саду, издали следовал за ними, когда они выходили гулять в поле; он в то время и не подозревал, что ему самому придется жить этой барской жизнью, которая представлялась ему такой чудной. А между тем в конце лета, когда начались дожди, Федор Павлович стал от нечего делать часто заходить в контору. Порядок, аккуратность и смиренный вид Ивана Антоновича понравились ему, он разговорился с ним;

узнал; какая у него большая семья, как ему трудно живется и решил, чем-нибудь помочь ему. Александра Петровна еще раньше обратила внимание на худенького, бледного мальчика, который так заботливо водил в церковь слепую старушку. Посоветовавшись друг с другом, Красиковы предложили конторщику взять с собой в Москву его старшего сына, держать его наравне со своими детьми, определить в гимназию, сделать из него образованного человека, который впоследствии мог бы служить поддержкой всей семье. Это предложение привело в неописанный восторг и Ивана Антоновича, и всю его семью. Слабосильный, неловкий Петя не годился для трудовой деревенской жизни, а в городе из него, может быть, сделают человека! Он будет жить с господами, есть за их столом, учиться всем наукам, каким обучают господских детей!

– Вот уж правда говорят: «Не родись ни пригож, ни умен, да родись счастлив!» – повторял Иван Антонович, радостно поглядывая на сына.

– Это ему за тихость да за смиренность Господь Бог посылает! – говорила Агафья Андреевна, нежно лаская сына.

Сестры перестали смеяться над Петей. Они ласково заговаривали с ним, просили его не забывать их, написать им, как люди живут в Москве, при случае прислать гостинцев. Шестилетний Федюшка несколько раз принимался реветь во все горло: «Не надо Петю! Я хочу в Москву!»

Даже старая бабушка и та, казалось, радовалась перемене

в судьбе любимого внука.

– Слава тебе Господи! – набожно перекрестилась она, услышав о предложении господ: – услышал Бог мои грешные молитвы, Петенька мальчик добрый, разумный, его только на дорогу вывести, а здесь какая ему жизнь, совсем пропадет!

Видя как довольны все окружающие, Петя чувствовал, что ему следует радоваться, а между тем в душе его было гораздо больше страха и тоски, чем радости. В день отъезда, когда настала минута прощанья с родными, страшная тоска вдруг овладела им. Он спрятался за высокую кровать матери, уцепился за нее руками и, дрожа всем телом, судорожно рыдая, повторял: «Не надо, не хочу, не поеду!» Агафье Андреевне пришлось силой оторвать его руки от кровати, накинуть на него пальто и шляпу, присланные барыней, и почти снести его в экипаж. Очутившись в большом тарантасе, среди господ, поняв, что всякое сопротивление невозможно, Петя впал в какое-то оцепенение. Сухими, безучастными глазами смотрел он на родных, собравшихся проводить его, не заметил как лошади тронулись, как промелькнули мимо экипажа знакомые избы деревни, речка; церковь, роща. Александра Петровна что-то спрашивала у него, дети о чем-то заговаривали с ним, он ничего не понимал, ни на что не отвечал. Когда он очнулся от этого оцепенения, родное село, знакомые места давно исчезли из глаз, вокруг него все было новое, чужое: и дорога, по которой быстро катился экипаж, и люди,

сидевшие вместе с ним в этом экипаже. На него никто не обращал внимания. Федор Павлович дремал, прислонясь к углу тарантаса, Александра Петровна о чем-то оживленно разговаривала с гувернанткой на незнакомом ему языке, Витя и Боря вспоминали, какие игрушки оставили на городской квартире.

Чувство одиночества в первый раз охватило мальчика; он понял, что очутился среди совсем чужих людей, у которых свои собственные дела и заботы, свои собственные радости и горести, недоступные ему. Это чувство не покидало его во все время пути и еще усилилось, когда из экипажа вся семья пересела в вагоны железной дороги, и поезд с шумом и свистом помчался по рельсам. Петя никогда прежде не видел железной дороги, не имел о ней никакого понятия; и шум локомотива, и клубы дыма, и быстрое движение, и «комнаты на колесах», – как он мысленно называл вагоны – все пугало его, все приводило в недоумение. Он не мог удержаться от восклицания ужаса и удивления. В ответ на это Витя с Борей громко расхохотались, а Александра Петровна и гувернантка посмотрели со снисходительной улыбкой на деревенского мальчика. Пете стало стыдно и обидно; он замолчал и постарался не выказывать больше своих чувств.

В Москве он очутился среди массы незнакомых предметов и лиц; ему пришлось привыкать к совершенно новой обстановке, к новому строю жизни. Он окончательно растерялся. Из застенчивости, из боязни насмешек, он не решался

делать вопросов, высказывать удивления. Он на все смотрел, все принимал холодно, безучастно, а между тем чувство отчужденности, сиротливости сильно давило его. И часто, улегшись спать в просторной, светлой детской, он подолгу рыдал, уткнувшись в мягкую пуховую подушку, и страстно хотелось ему перенестись в свою тесную, душную хату, на жесткий войлок, служивший ему постелью в родном доме.

А между тем никто у Красиковых не делал ему никакого зла. Правда, Витя и Боря смотрели на него несколько свысока, так как он был слабее их и не понимал многого из того, что они знали, но и мать и гувернантка строго следили за тем, чтобы они не обижали его; он и ел, и спал, и учился вместе с ними; был одет так же, как они, и пользовался одинаковыми с ними удовольствиями.

«А все-таки я им чужой», – думалось ему, пока он ворочался в постели, стараясь найти ответ на вопрос Александры Петровны. – «Они держат меня так, из жалости, а умри я сегодня ночью, они наверно пожалеют обо мне меньше, чем жалели в прошлом году о своей моське. Она говорит, я их чуждаюсь. Ну, так что же? Это правда! Только разве я виноват? Я для них лишний, чужой, ну, и они для меня чужие...»

И с этим тяжелым чувством наконец заснул бедный мальчик.

Глава III

В гимназии Петя чувствовал себя еще хуже, чем дома. По приезде в Москву он первый год учился у гувернантки, которая занималась с маленьким Борей, и весьма удовлетворительно выдержал вступительный экзамен в первый класс гимназии. Но, очутившись среди тридцати шумных, крикливых, шаловливых мальчиков, он совсем растерялся. Он плохо понимал, что объясняли учителя, по близорукости не разбирал того, что писали на большой классной доске, часто совсем не знал, какие уроки заданы к следующему дню и из застенчивости не решался обращаться с вопросами к товарищам. Его журнал пестрел единицами и двойками, и он остался на второй год в первом классе. Когда Боря поступил в гимназию, ему стало несколько лучше. Боря от природы очень способный мальчик, отлично подготовленный дома, сразу сделался одним из первых учеников и не прочь был несколько помогать менее счастливому товарищу. Кроме того Красиковы взяли репетитора – главным образом для Вити, просидевшего два года во втором классе – и с его помощью Петя стал проникать в таинства латинской грамматики, казавшейся ему сначала какой-то неудобопонятной премудростью. Он благополучно перешел во второй класс, но тут дело пошло опять плохо. Каждый день приходилось ему заучивать три-четыре больших урока и заучивать наспех, торо-

пьясь; он соображал довольно медленно и не отличался очень хорошей памятью, так что должен был просиживать за уроками вдвое дольше, чем Боря, и все-таки получал мало удовлетворительные отметки. Когда учитель вызывал его, он робел, конфузился, говорил нетвердым, нерешительным голосом, часто даже просто забывал все, что вытвердил накануне. Товарищи смеялись над ним за эту робость и прозвали его «зайцем», а он не умел ни ответить шуткой на их насмешки, ни заставить их замолчать силой, как советовал ему Витя; он все больше робел, все больше чуждался, сторонился всех.

Иногда он не прочь был побегать, поиграть с другими детьми; но они обыкновенно придумывали игры, требующие большой ловкости и проворства. Когда надо было разделяться для игры на партии, каждая сторона неизбежно кричала: «Зайца берите себе! Зайца нам не надо. Он не умеет бегать! Он поддается».

И если какой-нибудь великодушный предводитель соглашался принять его в свой отряд, Петя ясно видел, что это делается только из жалости; ему было больно и обидно; он отходил от играющих и прятался в какой-нибудь уголок, где никто его не видел, никто не трогал, никто не смеялся над ним.

С наступлением весны в классной комнате Красиковых начались усиленные занятия: экзамены имели в этом году особенно важное значение для всех трех мальчиков: Боря с Рождества считался первым по классу и непременно хотел

удержать за собой это место, хотя у него было два очень сильных соперника; Витя и Петя уже сидели по два года в классе и им грозило исключение из заведения, если они «срежутся» и не перейдут в следующий класс.

Экзамены предстояли для всех трех мальчиков исключительно письменные: из арифметики, из языков; для Бори и для Пети из русского, латинского и немецкого, а для Виктора кроме того из греческого.

Восемнадцатого мая назначен был первый экзамен во втором классе по русскому языку. Боря и Петя оба сильно волновались. Боря старался бодриться, Петя дрожал как в лихорадке. На его счастье русский учитель несколько опоздал; усевшись на свое обычное место в классе, приготовляя бумагу и перо, бедный мальчик успел немного успокоиться. Экзаменационная задача состояла в письменной передаче своими словами известного стихотворения Майкова: «Кто он?». Петя учил это стихотворение в классе и довольно твердо помнил его. Он не пытался, как сделал Боря и другие лучшие ученики, прибавлять к стихотворению свои объяснения и дополнения, а просто каждый куплет стихов написал прозой. Это было не трудно, и ему удалось избежать грубых орфографических ошибок и даже довольно верно расставить знаки препинания. Он кончил работу почти в одно время с Борей и мог вместе с ним идти домой.

– Ну, что? Как сошло? Что вам было задано? – встретил их Витя в передней.

– Очень легкое! – отозвался Боря. – Я написал полтора листа. Не знаю, кажется, вышло порядочно.

И он поспешил в свою комнату, чтобы прочесть брату черновую своего рассказа.

– Молодец Борька! Как славно! – подхватил Виктор. – Целое сочинение написал вместо переложения! Наверно получишь пять! Счастливеец!

Прослушав чтение Бори, Петя приуныл. «Вот что значит писать переложения», – вздыхал он. – «А у меня что? Совсем коротко, гадко! Больше единицы или двойки не поставят!»

На следующий день Витя вернулся с своего экзамена очень рано; он вбежал в комнату радостный, оживленный.

– Ничего, кажется, сошло, – вскричал он, подбрасывая к потолку свою фуражку. – Задано было сочинение «Приближение весны». Я знал, что в третьем классе всегда задают что-нибудь о весне или о лете, или о зиме, или о каникулах, или о праздниках. Я обо всем этом и писал у Константина Николаевича. У меня было написано просто «весна», а тут задали «приближение весны»; я взял да везде и вставил «начинает» «становится». Ловко вышло!

Прослушав его сочинение и Боря, и Петя должны были сознаться, что действительно вышло ловко и очень недурно.

На следующий экзамен все три мальчика пошли вместе. У Бори и Пети был немецкий язык, у Вити – греческий. Этих экзаменов никто из них особенно не боялся. Из немецкого во втором классе пройдено было очень мало и учитель зара-

нее предупредил, на какие важнейшие грамматические правила будет диктовать фразы; учитель греческого языка был вообще человек добродушный, на экзаменах всегда старался помогать своим ученикам.

Вот учитель математики был не такой. Он был грозой четырех младших классов гимназии. Его нельзя было ни задобрить, ни заговорить, он от всех равно требовал точности и быстроты в ответах, правильности и аккуратности при исполнении письменных работ.

Задача, заданная второму классу, была довольно сложная и замысловатая. Даже Боря не мог сразу придумать, как ее разрешить, и испортил лист бумаги, прежде чем напал на правильный ход действия.

Петя же окончательно растерялся и никак не мог придумать даже с чего начать. Первые ученики уже отдали свои листы учителю и вышли из класса, а у него не было написано ни одной цифры. Боря заметил его отчаянное положение и проходя мимо шепнул: «Помножь версты и сажени на 7 ... решение – 18». Еще кто-то из добрых товарищей подсказал ему следующий шаг к решению, а дальше он был предоставлен собственному соображению. Но, увы! Этого соображения хватило у него только на то, чтобы целым рядом делений, умножений, вычитаний и сложений добиться числа 18, подсказанного ему Борей, когда же пришлось писать объяснение к задаче, он никак не мог отдать себе отчета почему в данном случае производил то, а не другое действие. Придя

домой, он рассказал Вите и Боре, как разрешил задачу и они пришли в ужас.

– Да ты просто осел! – бесцеремонно заявил Виктор. – С какой же стати ты помножил на 2, потом разделил на 9, когда тебе надо было просто разделить на 4. И откуда 9? Ведь этого числа нет в задаче?..

– Да я чтобы вышло 18, – со слезами на глазах отвечал Петя.

– Ах, какой ты глупый! Да кто же так задачи делает? Чтобы вышло 18!

Петя и сам понимал, что поступил глупо. Всего неприятнее было то, что и задача-то оказалась совсем не особенно трудной для него. Вечером, когда Витя и Боря заснули, он тихонько встал с постели, зажег свечу, внимательно прочел задачу, подумал минуты две, и весь ход действий представился ему вполне ясно. Не прошло и получаса, как он без малейшей запинки и помарки проделал всю задачу от начала до конца.

«И отчего это я утром не мог так же придумать – вздыхал бедный мальчик, опять улегшись в постель. – Какой я в самом деле глупый и несчастный!»

Латинский экзамен должен был решить судьбу Пети. Он ни день, ни ночь не расставался с латинской книгой и выдолбил что называется «на зубок» всю грамматику. Но ах! Когда вечером, накануне экзамена, Боря продиктовал ему несколько фраз для перевода на латинский язык, у него оказалась

масса ошибок: он знал правила, но совершенно не умел применять их.

«Не стоит учиться, я все равно завтра ничего не напишу!» – с отчаянием думал он, бросая книгу.

С тем же отчаянием пошел он на другой день в гимназию, с тем же отчаянием принялся за перевод русского текста, продиктованного учителем. Он писал почти машинально, без особенного старания. «Не все ли равно?» – вертелось у него в голове, – «Я глупый, неспособный, сколько я ни старайся, все равно я не могу писать без ошибок!»

Когда, вернувшись домой, Боря стал вместе с Виктором обсуждать и проверять свой перевод, он не принимал участия в их разговоре, не вспоминал, как сам составил фразы, какие употребил обороты речи. После усиленных занятий перед экзаменом и волнений во время самых экзаменов, на него напала какая-то слабость, какое-то равнодушие ко всему. Даже мысль, что он, может быть, не выдержал экзамена, перестала пугать и огорчать его.

– Не знаю, может быть, выдержал, а, может быть, не выдержал! Мне все равно! – как-то тупо отвечал он на вопросы Александры Петровны, на приставанья мальчиков.

– Экий дурак! – повторяли Витя и Боря.

– Он в самом деле нестерпимо глуп, – возмущалась Александра Петровна. – Можно сказать: судьба всей его жизни решается, а он вдруг: «Мне все равно!»

Глава IV

Мальчикам не объявляли, какие отметки они получили на экзамене раньше торжественного публичного акта. На этом акте, в присутствии почетных лиц города и родителей воспитанников, раздавали награды наиболее успевающим и читали список учеников, перешедших в следующий класс. Федор Павлович и Александра Петровна пошли на акт вместе с детьми и волновались почти так же, как они. Витя старался придать себе бодрый вид и по дороге в гимназию нарочно заводил веселые разговоры, но его смех и болтовня выходили какими-то неестественными, принужденными. Боря хмурился и сердито замечал брату, что теперь не до глупостей; Петя казался всех спокойнее; равнодушие, охватившее его перед латинским экзаменом, не оставляло его до сих пор. Вместо того, чтобы думать о «решении судьбы всей своей жизни», – как говорила Александра Петровна, – он беспрестанно ловил себя на каких-то глупых мыслях в роде того, что: «Вон маляры забрызгали забор белой краской», «Песочный переулок, верно прежде тут было много песку»...

Акт начался молитвой, которую пропел хор гимназистов; затем учитель русского языка сказал очень длинную речь, которую почти никто не слушал, и наконец секретарь стал читать то, что всех особенно интересовало, список воспитанников, удостоенных награды и перевода в следующий класс.

Виктор Красииков был переведен в четвертый класс; Борис Красииков перешел в третий класс первым и получил первую награду – книгу и похвальный отзыв.

Александра Петровна заплакала от радости. И она и Федор Павлович обнимали своих детей и поздравляли их, особенно Боря, с успехом. Среди семейной радости они почти забыли о Пете. Увы, его было не с чем поздравлять! Оказалось, что Петр Никифоров получил на экзамене два по латинскому языку и единицу по арифметики, он не только не перешел в следующий класс, но даже лишен был права переэкзаменовки.

Счастливые и довольные возвращались Красииковы домой. Виктор подпрыгивал от радости, что противные экзамены свалились с плеч и отъезд на дачу назначен на послезавтра; Борис старался сохранить скромный вид, но глаза его светились гордой радостью всякий раз, как он взглядывал на полученную в награду изящно переплетенную книгу.

Уныло плелся Петя сзади них. «Не перевели... не дали переэкзаменовки... выключат»... Несколько раз в течение зимы и во время приготовлений к экзамену представлялась ему возможность этого несчастья, но он отгонял мысль о нем, как слишком ужасную. И вот это ужасное обрушилось на него! Он с каким-то недоумением оглядывался вокруг. Как странно. На улице все то же, что было утром, ничто не переменилось... Тот же Песочный переулок, тот же толстый купец у дверей своего магазина, тот же забрызганный крас-

кой забор... И солнце светит так же ярко, и прохожие барыни о чем-то смеются... Все так же, как было утром! А он? Может быть, и он остался тем же? Нет. Какая-то страшная тяжесть давит ему на грудь и на голову; тогда он был такой, как все люди, он мог и говорить, и думать как все, а теперь он не такой, он несчастный, страшно несчастный!

Весь этот день был торжеством для Бори. Родные и знакомые, зашедшие к Красиковым после акта, хвалили его, поздравляли Федора Павловича и Александру Петровну с таким примерным сыном, за обедом пили его здоровье, после обеда Федор Павлович повел его и Витю по магазинам, чтобы они выбрали себе по какой-нибудь вещи на память об этом радостном дне. Петя был доволен, что никто с ним не заговаривает, никто не обращает на него внимания. Вечером, когда собрались товарищи Вити и Бори, чтобы вместе попраздновать и распрощаться на лето, он ушел в темную шкафную комнату и спрятался там. Страшная тяжесть продолжала давить его, он не хотел никого видеть, ни с кем говорить.

Между тем Федор Павлович и Александра Петровна, запершись в кабинете, совещались о том, что с ним делать.

– Какая обуза чужие дети! – ворчал Федор Павлович. – Куда мы его денем? Он, очевидно, тупица, совсем не способен к ученью!

– Не попробовать ли отдать его в реальное училище, – посоветовала Александра Петровна, – там курс легче, чем в

гимназии.

– Помилуй, у него по арифметики единица, а в реальном училище главный предмет математика.

– Ну, в какое-нибудь ремесленное? В какую-нибудь земледельческую школу?

– Право не знаю! Он такой слабый, тщедушный, земледельческих работ он не сможет делать! Да и ремесла? В училищах учат слесарному и столярному, какой из него выйдет работник, ему и молотка не поднять!

– Надо спросить его самого, – предложила Александра Петровна, – ведь он не маленький, ему уж тринадцать лет! Может быть у него и есть призвание к чему-нибудь.

Петю с трудом разыскали и позвали в кабинет.

– Ну, брат Петр, – серьезно, почти строго, заговорил Федор Павлович, – тебя, ты знаешь, исключают из гимназии. Скажи пожалуйста, что же ты намерен делать?

Петя опустил голову.

– Не знаю-с, – чуть слышно проговорил он.

– Не знаю-с! – передразнил его Федор Павлович, – это братец не ответ! Ты ведь должен был это предвидеть! О чем же ты думал, когда получал единицы да двойки? Если бы я был твой отец, – продолжал Федор Павлович, видя, что от мальчика не добиться ответа, – я, может быть, сам распорядился бы твоей судьбой, но теперь я не могу; пожалуй, потом и ты, и твоя семья, вы будете упрекать меня. В гимназии учиться ты не можешь, ну, куда же мне тебя устроить, куда

ты хочешь поступить?

– Я хочу домой! – вдруг вырвалось у Пети совершенно неожиданно для него самого.

– Домой! – вскричала Александра Петровна. – Что ты, Петя, как это можно! Что ты будешь делать дома?

Федор Павлович иначе отнесся к словам мальчика: они показали ему средство избавиться от тяжелой заботы о чужом ребенке.

– Нет, что ж? – сказал он, – пожалуй, ему в самом деле всего лучше съездить домой. Пусть там поговорит, посоветуется с отцом! Если надумают отдать его в какое-нибудь учебное заведение, я не прочь похлопотать и заплатить, что нужно! Ты это дельно придумал, Петя, отдохни летом в деревне, обдумай серьезно свое положение, а там увидим!

– Благодарю вас, – чуть слышно проговорил Петя. Бледное лицо его вдруг оживилось, луч радости блеснул в его обыкновенно тусклых глазах, и он почти выбежал из кабинета.

– Каков неблагодарный мальчишка! – вскричала Александра Петровна, едва дверь за ним затворилась: – мы о нем заботились, держали его как родного сына, а он рад первому случаю уехать от нас! Домой! Хорош у него дом, нечего сказать! Если ему лучше в деревне, в его курной избе, пусть там и живет, не стоит заботиться о нем и брать его опять осенью к себе.

– Как волка ни корми, он все в лес глядит. Я, по правде

сказать, очень рад, что мы избавились от него! Я лучше готов помочь отцу его деньгами, только бы не возиться опять с мальчиком, не пристраивать его куда-нибудь.

Петя вернулся в свой темный угол. Странное дело! Тяжесть, давившая его все утро, вдруг исчезла. Домой! У него ведь есть свой дом! Сердце его радостно билось. Все, что было неприятного и тяжелого в домашней жизни, в эту минуту вылетело из головы его, он чувствовал одно только, что не для всех на свете он чужой, что у него есть близкие, есть люди, которых он любит и которые любят его!

Отец, мать, братья и сестры, как живые, стояли перед ним, и как дороги, как милы казались ему все они, даже маленькая сестренка Феня, которая в былое время так надоедала ему своим неумолкаемым криком и писком!

«Теперь она уже большая, по пятому году, – думал мальчик, – все говорит, бегают, меня и не узнает. А бабушка? Добрая, милая бабушка! Один часок посидеть с ней, в ее чистой, тихой комнате, уж и это какое счастье!..»

На другой день после акта у Красиковых начались приготовления к переезду на дачу. Вещи, которые оставались на зимней квартире, надо было убрать, другие уложить для перевозки в ящики и сундуки. Все домашние, не исключая и детей, были заняты, и среди этой общей суматохи никто не заметил, как Петя уложил свой маленький чемоданчик. На следующее утро Федор Павлович подробно объяснил ему, на какой станции он должен оставить железную дорогу, как и

где нанять лошадей до деревни, дал ему денег на дорогу и письмо к отцу его, но не обещал ему ничего определенного на осень. Александра Петровна простилась с ним очень сухо: ее до глубины души оскорбляло «бессердечие» и «неблагодарность» мальчика, который так спокойно, с таким легким сердцем готовился оставить ее дом. Виктор и Борис отнеслись совершенно равнодушно к отъезду товарища: они были вполне поглощены сборами к переезду на дачу, мечтали о летних удовольствиях и ни о чем другом не думали.

– Ну, прощай, Зайка, – как-то торопливо сказал Виктор. – Что, вернешься осенью?

– Не знаю, – проговорил Петя, холодно отвечая на холодное рукопожатие.

Глава V

Прошло почти четыре года с тех пор, как Петя в первый раз ехал по железной дороге. И вот он опять в вагоне, опять поезд, свистя и пытя, уносит его, опять кругом много чужих лиц и опять, как тогда, среди всего этого шума, всей этой толпы, он чувствует себя одиноким, совсем одиноким. Он с невольной грустью вспоминает, как сухо, холодно было его прощанье с Красиковыми.

– Нет, я не вернусь к ним осенью, – думается ему. – Зачем мне быть им в тягость? Они, кажется, очень рады, что избавились от меня, да это и понятно, что я им? Совсем чужой, лишний человек в доме. Никто из них меня не любит, никто не пожалеет. Останусь дома, с отцом, с бабушкой... – И снова лица своих, домашних, окружили его, и тепло стало ему на сердце. – Что-то они скажут, как я приеду? Обрадуются ли? – спрашивал он самого себя.

И живо вспомнились ему последние дни перед отъездом из деревни, радостная надежда, с какой смотрел на него отец, просьбы матери не забывать в счастье родную семью... Отпуская его из дома, они рассчитывали, что он станет помощником, поддержкой для всей сёмьи, и вот он возвращается – но с чем?

За эти четыре года он ничему не выучился, он, как прежде, ничего не умеет делать; мало того, для него закрыта

даже возможность учиться, стать образованным человеком; он исключен из гимназии за неспособность...

Краска стыда залила при этой мысли бледное лицо мальчика, сердце его болезненно сжалось, вся та радость, с какой он приближался к родному дому, вмиг исчезла.

«Как его встретят? Что ему скажут? И что сам он скажет? Как объяснит свою неудачу?» Эти мучительные вопросы преследовали его всю дорогу, не давали ему уснуть ночью, мешали наслаждаться давно невиданными красотами зеленых полей, пестрых лугов, тенистого леса.

Чем ближе подъезжал Петя к родному селу, тем сильнее билось сердце его. Вот роща, куда он, бывало, в детстве ходил за грибами и за ягодами, вот речка, в которой он купался, выбирая те минуты, когда там не было деревенских шулунов, которые брызгали на него, «топили» его. Вот и село... Какие все маленькие, ветхие домики. Прежде они были как будто побольше и покрасивее. Ямщик подогнал своих тощих клячонок, и они довольно бодро подкатили тележку к крыльцу избы Ивана Антоновича.

Агафья Андреевна, стиравшая белье перед домом, первая заметила подъехавшего.

– Матушки-светы! Что такое? Кажись Петенька? – вскричала она, взглядываясь в мальчика, неловко вылезавшего из телеги. – Он и есть! Вот не ждали, не гадали! Здравствуй, родимый! – Она осторожно поцеловала сына, чтобы не забрызгать его мыльной пеной, которой были покрыты ее руки

и длинный холстинный передник. – Подрос. Большой стал. А все такой же худой да бледный, как был. Что же, один приехал своих повидать? Господа не будут ли к нам?

– Нет, не будут! – пролепетал Петя, – от волнения он с трудом мог ворочать языком.

На встречу приезжому выскочил из избы Федюшка, рослый, краснощекий десятилетний мальчуган, с загорелым лицом и задорными серыми глазами, а за ним трое младших детей: двух из них, рыжеволосого Ваню и белоголовую Феню, Петя с трудом узнал, третий, толстенный Антоша, родился без него, два года тому назад. Они с недоумением, засунув палец в рот, смотрели на незнакомого старшего брата, и Антоша собирался приветствовать его громким ревом. В избе, куда Агафья Андреевна ввела мальчика, и куда Федюшка по приказанию матери втащил его чемоданчик и подушку, он увидел двух совсем взрослых и довольно красивых девушек, своих старших сестер. Они поцеловали его, вытерев предварительно губы передником, и заметили так же, как мать:

– Какой он тонкий, худой... Не поздоровел в Москве. Из конторы чуть не бегом вошел в горницу Иван Антонович.

– Здравствуй, здравствуй, сынок!.. – И он обнял мальчика, но на лице его видно было больше тревоги, чем радости.

– Как это ты так вдруг надумался к нам? И не написал ничего. Погостить, что ли, на лето господа отпустили? Все ли у тебя благополучно? Не прогневал ли ты чем-нибудь Федора Павловича?..

– Нет, кажется... ничего... он вам... письмо...

Петя дрожащей рукой вынул из кармана и подал отцу письмо Федора Павловича. Иван Антонович надел очки и подошел к окну, чтобы разобрать послание своего хозяина. С первых же строк лицо его омрачилось, и чем дальше он читал, тем сумрачнее становилось оно.

– Ты говоришь: ничего!.. Нет, тут не «ничего», – сердито обратился он к Пете, который от волнения не мог стоять на ногах и опустился на скамью, понутив голову. – Тут написано, что ты «оказался неспособен к наукам», за тебя платили учителям, тебя всему обучали наравне с господскими детьми, а ты учился плохо, экзамена не выдержал и тебя исключили из гимназии. Тебя вовсе не погостить прислали к нам!.. Федор Павлович прямо пишет: «не могу ничего для него сделать». Этаким благодетелям и не сумел ты угодить!

– Дураком он родился, дураком и остался! – полуслезливым, полубранчивым голосом закричала Агафья Андреевна. – Я всегда говорила, что из него толку не выйдет. Истинно божеское наказание. Негодный мальчишка! О нем заботились, его обучали, а он, – извольте видеть – «не способен». Этакий срам. Выгнали. Прямо сказать, выгнали и из училища, и из господского дома. И чего ты сюда приехал, дурень этакий? Мало тут без тебя ртов? Кабы в твоей глупой голове капля ума была, ты бы в ногах у господ валялся, молил их, чтобы не отсылали тебя от себя. Не годился ты учиться, ты хоть бы старался услужить господам, чтобы они не оставили

тебя своими милостями. А то обрадовался. К отцу на шею приехал! Гость дорогой!

Долго кричала Агафья Андреевна. Петя сидел молча, в каком-то оцепенении. Точно сквозь сон слышал он брань матери, слышал, как сестры переговаривались между собой. «Значит, совсем приехал. Выгнали. Экий стыд. Все будут спрашивать. Что скажешь?..» Слышал, как Федюшка скакал на одной ножке и дразнил его языком, приговаривая: «Выгнали! Из Москвы выгнали! Ай да московский барин! А меня никто не выгонял! И никто никогда не выгонит!»

Иван Антонович стоял, прислонясь к косяку окна, мрачно нахмутив брови. Он посмотрел на Петю, но у него не хватило духу высказать и от себя упрек мальчику. Он сидел такой безответный, унылый, измученный. Четыре года прожил он в чужом городе, среди чужих людей; может, за все это время ни от кого не видел ласки, вот теперь приехал в родной дом со своим горем, и никто не пожалел его, не сказал ему доброго слова.

– Ты еще не видел бабушки, сходи к ней! – сказал он сыну, и в голосе его звучала ласка.

– Ну, еще бы! Опять будет целые дни со старухой сидеть да чулки вязать! – заворчала Агафья Андреевна, – он только это и умеет.

Петя хорошо помнил дорогу в светелку бабушки, но Федя счел почему-то нужным проводить его. Он перегнал его на крутой лестнице, быстро распахнул дверь в комнатку ста-

рушки, прокричал:

– Бабушка! Вон Петя приехал! Его выгнали из гимназии и от господ выгнали, он насовсем к нам приехал.

И затем кубарем скатился вниз.

Петя вошел в светелку. Она казалась еще меньше, чем прежде, так как теперь чуть не половину ее занимала большая низкая деревянная кровать: у старушки с зимы отнялись ноги, и она не сходила с этой кровати ни днем, ни ночью. При словах Феди, при звуке шагов любимого внука она приподнялась и протянула вперед руки.

– Петя, голубчик, родименький... – проговорила она слабым, дребезжавшим голосом.

Оцепенение Пети вдруг исчезло. Он бросился к кровати, упал перед ней на колени и прижался лицом к морщинистой руке старушки. Она другой рукой гладила его торчащие рыжеватые волосы и тихо шептала:

– Слава тебе Господи! Сподобил Господь Бог еще раз увидеть мое сокровище!

А слезы катились по щекам ее и падали на голову Пети, и сердце мальчика смягчилось и чувствовал он, что здесь, по крайней мере, он не одинок, он не лишний, не чужой!..

Глава VI

Долго бранилась и ворчала Агафья Андреевна, досталось от нее не только Пете, но и Ивану Антоновичу, который зря позволил увезти ребенка, ни о чем не договорившись с господами, и господам, которые подержали, подержали дитё, а как надоело, так и выгнали, точно щенка какого, и Федюшке, который сам дурак, а над братом смеется, и Антошке, который не кстати подвернулся под руку... Сорвав, что называется, сердце, она успокоилась и смягчилась к виновному сыну.

– Садись... Ешь, что Бог послал, – довольно ласково сказала она ему, когда он сошел вниз к ужину, – авось найдется и для тебя кусок хлеба у отца с матерью.

– Ешь, не брезгай нашей пищей, не вкусна она тебе покажется после барских кушаньев! – вздохнул Иван Антонович.

Петя целый день почти ничего не ел, но волнения, испытанные им перед приездом и после приезда домой, совсем лишили его аппетита. С большим трудом проглатывал он ложку за ложкой крутой гречневой каши со снятым молоком, составлявшей ужин семьи. Гораздо охотнее отказался бы он совсем от пищи, но он боялся, как бы не подумали, что он в самом деле брезгает, что домашняя еда стала ему противной. Ему так хотелось находить все домашнее хорошим и приятным, он так мечтал о родном угле и жизни среди своих близких, он все готов был сделать, только бы домашние не

сердились на него, полюбили его.

Спать он лег на полу рядом с Федей и Ваней и ни разу не пришло ему в голову, как хорошо было лежать на мягкой постели в детской Красиковых, как уютно и спокойно было там, между тем как здесь Ваня беспрестанно толкал его во сне то кулаком, то ногой, клопы немилосердно кусали его, Антоша несколько раз будил его громким плачем.

На следующее утро, видя, что все в семье, кроме младших детей, принимаются за работу, он робко обратился к матери с просьбой дать ему какое-нибудь дело.

– Тебе?.. – Агафья Андреевна недоверчиво покачала головой. – Какое же дело ты можешь делать? Вон, мне надо дров нарубить, ты сумеешь ли? Еще, пожалуй, зарубишь себя топором? Федюшка, иди-ка ты заруби, отцу некогда. А вот сестры идут на речку белье полоскать, пожалуй, помоги им нести корзины.

Глаша и Капочка, две рослые, сильные деревенские девушки, услышав, что приезжий брат хочет помогать им, сначала громко расхохотались, но затем Капочка вскинула на плечо коромысло с двумя корзинами белья, а Глаша предложила Пете нести вместе с ней большую корзину, доверху наложенную мокрым бельем. Петя ухватился обеими руками за край корзины и с большим трудом приподнял ее.

– Что, тяжело? – с усмешкой спросила Глаша, взявшись за другой край корзины и без особенного усилия направляясь с ней через двор к речке, до которой надобно было пройти

с четверть версты.

Петя не хотел показать, что ему тяжело, а между тем ноги его подкашивались, руки, державшие корзину, как-то одеревенели, сердце сильно билось. Глаша задерживала шаг, чтобы он мог поспевать за ней, но, несмотря на то, он все-таки отставал, и ему казалось, что он вот-вот сейчас упадет. Несмотря на все усилия, он никак не мог поддерживать свой край корзины на одной высоте с Глашиным: корзина оттягивала вниз и его руки и его самого. Глаша раза два посмотрела на него через плечо и затем поставила корзину на землю.

– Капочка... – позвала она сестру, которая уже далек ушла вперед, – иди-ка сюда, со мной. Наш москвич совсем не может, вишь как он запыхался, того глядь помрет.

Капочка вернулась и рассмеялась, взглянув на жалкую фигуру Пети, который с трудом переводил дух и отирал рукавом крупные капли пота с побледневшего лба.

– Эх ты московский барин! Туда же, работать вздумал, – насмешливо заметила она. – Оставь корзину, где тебе? Пожалуй, попробуй снести коромысло, это легче.

Она вскинула на плечи его свое коромысло, сама подхватила корзину и они с Глашей чуть не бегом потащили ее к реке. Петя не мог поспеть за ними: коромысло резало ему плечи, корзины, которые Капочка находила легкими, казались ему страшно тяжелыми. Обе сестры уже стояли на плоту и начали полосканье белья, когда он с большим трудом дотащился до берега и почти упал на траву. Сестры с сожа-

лением посмотрели на него.

– Бедняга!.. Вишь как умаялся! Другой раз не берись не за свое дело! – заметила Глаша.

– Конечно, мы бы и без тебя все снесли, – сказала Капочка, – нам помощников не нужно. А ты, если добрый, так вот посиди с нами, пока мы полощем, да и расскажи нам все про Москву.

Пете было приятно сидеть в тени большой кудрявой липы на берегу реки, и от души хотелось ему доставить удовольствие сестрам, которые так ласково заговорили с ним. Он начал рассказывать им про гимназию, про разных учителей, но они на первых же словах перебили его.

– Нет, этого нам не нужно! – заявила Глаша: – а ты лучше расскажи, правду ли говорят, будто в Москве все барышни белятся и румянятся? – Этот вопрос поставил в тупик Петю.

И у Красиковых, и на московских улицах он встречал немало барышень, но никогда не решался разглядывать их лица, да если бы и решился, не сумел бы отличить естественный румянец от искусственного.

В других вещах, которые интересовали Глашу и Капочку, он оказался таким же невеждой: он не знал, какого фасона платья носят московские барышни и московские купчихи, сколько в Москве театров, какие пьесы в них дают и тому подобное...

– Фу, какой он глупый, – решила Капочка, – четыре года прожил в Москве и ровно ничего не знает...

И сестры, отказавшись от надежды добиться от него каких-либо интересных сведений, начали болтать друг с другом, не обращая на него больше никакого внимания.

Грустно поплелся домой Петя. Его первая попытка быть полезным или хоть приятным для кого-нибудь из домашних оказалась неудачной. Вскоре бедный мальчик убедился, что и другие подобные же попытки также ни к чему не приводили.

Все в доме, кроме Фени и Антоши, были заняты какой-нибудь работой, только для него одного не находилось дела по силам. Восемилетний Ваня гораздо лучше его умел запрячь и распрячь лошадь, наломать лучины, загнать в хлев корову и овцу. О Феде и говорить нечего: он работал почти как взрослый мужчина, и дрова колот, и воду носил, и скот поил, и ездил на неоседланной лошади по разным поручениям управляющего. Если Петя предлагал помочь кому-нибудь из братьев, они обыкновенно или смеялись над ним, или сурово отзывались:

– Ну, куда тебе? Не суйся! Только мешаешь!

Агафья Андреевна пробовала первое время давать поручения старшему сыну, но у нее никогда не хватало терпения ни показать, ни объяснить ему, как их исполнить.

– Затопи-ка печку, пока я пойду доить корову! – приказывала она ему.

Петя бросался исполнять ее приказание, но он клал или слишком мало, или слишком много дров, не знал где найти

сухой лучины и, возвратясь в избу, Агафья Андреевна ворчала:

– Экий глупый! Ничего не умеет по-людски делать! Ну, кто так печку топит? Пошел прочь!

В другой раз она поручила ему присмотреть за Феней и Антошей, но, увы! это оказывалось для Пети еще труднее, чем растопить печь. Феня постоянно находила предлог громко и неудержимо расплакаться, Антоша ни минуты не сидел спокойно на месте и всегда умудрялся залезть в самые неподходящие места: в ведра с помоями, в горшок с угольями, в мешок с мукой.

Агафья Андреевна быстро водворяла порядок: младшие дети боялись ее крутой расправы и при ней вели себя примерно, она указывала на них Пете и презрительно замечала.

– А ты и с ними-то справишься не можешь? Экая голова!

Петя сконфуженно уходил и старался пореже попадаться на глаза матери, чтобы не заслуживать ее презрения.

Раз как-то Иван Антонович позвал его к себе в контору и дал ему подсчитать какой-то длинный итог.

Петя не умел считать на счетах, а пока он переписывал на бумажку длинные ряды цифр, да делал и переделывал сложение, отец потерял терпение:

– Э, брат, да ты тише меня считаешь! – вскричал он, – давай сюда, я проложу на счетах.

И прежде чем Петя дошел в своем сложении до сотен, опытный конторщик высчитал и записал всю сумму в свою

счетную книгу.

«Я ничего не умею, ничем не могу никому помочь», – грустно думалось мальчику и он не решался приниматься ни за какую работу, чтобы не услышать:

– Оставь, не так, экий неловкий! Не мешай!

Только в комнате бабушки не слышал он ничего подобного, только эта комната служила ему по-прежнему убежищем от всяких неприятностей. Но и в ней ему было далеко не так отрадно сидеть, как в прежние года. Старушка очень ослабла и одряхла за последнее время. Она плохо понимала чтение и рассказы, часто забывала время, перепутывала имена, сама говорила мало и часто среди разговора вдруг засыпала. Своих работ ей, несмотря на это, ни за что не хотелось оставлять. Ее дрожащие пальцы с трудом перебирали стебли соломы и камыша, работа почти не подвигалась вперед, но она не оставляла ее и только говорила, тяжело вздыхая:

– Должно быть уж пора мне умирать; вон все один коврик плету, не могу кончить.

Пете было невыразимо жалко видеть, какими беспомощными стали эти руки, прежде такие ловкие и проворные. Он постарался припомнить те работы, каким она учила его в детстве, и стал потихоньку помогать ей.

Когда она засыпала среди дня и работа выпадала из ее ослабевших рук, он осторожно брал эту работу и сам продолжал ее. Старушка детски радовалась, видя, что корзинка или циновка, с которыми она так долго не могла справиться,

быстро подходила к концу. Она не замечала добродушной хитрости мальчика и часто говорила ему:

– Петенька, ты не сиди все со мной, ты большой, тебе надо работать, нехорошо целый день ничего не делать. И мать будет недовольна. Иди, иди, голубчик, а я подремлю немножко.

Поневоле должен был Петя уходить.

Он шел в село, в поле, в лес. Впрочем, от прогулок по селу ему скоро пришлось отказаться.

Там все знали хорошо и его самого, и отца его, знали, как Ивану Антоновичу трудно содержать свою большую семью и радовались, когда ему удалось пристроить старшего сына. Неожиданное возвращение Пети из Москвы всех удивило и заинтересовало; как только он появлялся на улице, к нему обращались с вопросами, кончил ли он свое ученье, отчего не кончил, чем не угодил господам, чему научился, что думает теперь делать и тому подобное. За сбивчивыми ответами мальчика следовали неодобрительные покачивания головы, соболезнующие вздохи, замечания вроде:

– Плохо, плохо, паренек! Отец на тебя рассчитывал, ты уж не маленький, должен ему помогать.

Петя попробовал возобновить знакомства с деревенскими мальчиками, с товарищами Феди и Вани. Но и до отъезда его в Москву деревенские дети не очень любили его: они так же, как московские гимназисты, находили, что он тихо бегаёт, что с ним скучно потому, что он слаб, неловок и плохо видит; теперь же им доставляло особенное удовольствие

вспоминать об его поездке в Москву и дразнить его этой поездкой.

– Вон идет московский барин! – кричали шалуны, завидев его издали.

– Ты московский, ученый! Нечего тебе лезть к нам дуракам! – говорили они, когда он подходил, чтобы принять участие в их игре или разговоре.

– Ты бы раза два поколотил их хорошенько, они и перестали бы дразниться, – советовал старшему брату Федя.

Но Петя не любил драться, да и понимал, что ему не под силу справиться с рослыми, здоровыми деревенскими забияками. Он предпочитал уходить от них подальше и по целым часам лежал где-нибудь в овраге или бродил один в лесу, только бы никого не встретить, не слышать ничьих распросов, ничьих насмешек.

Невеселые мысли занимали мальчика во время этих одиноких прогулок. В Москве он был всем чужой, лишний, но там он и сам всех дичился, и Красиковых, и учителей гимназии, и даже своих товарищей-гимназистов; здесь он дома, в родной семье – и опять он один, опять он никому не нужен. Отец и мать не упрекают его больше за то, что он вернулся, но он ясно видит, что они не могут простить ему своего разочарования, своих обманутых надежд; сестры не обращают на него никакого внимания: у них свои интересы, свои дела о которых они шепчутся, грызя подсолнухи на завалинке около дома, и о которых он не имеет никакого понятия. Федя и

Ваня отчасти презирают его за то, что он не умеет ни запрягать лошадей, ни ездить верхом, ни рубить дрова, отчасти удивляются, как это он ни с кем не дерется, не бранится, никогда не шалит и находят его вообще и скучным, и чудным.

– Красиковы не жалели обо мне, когда я уехал, наверно и дома одна только бабушка пожалела бы! – с болью в сердце думал бедный Петя.

Глава VII

В семье Ивана Антоновича готовилось радостное событие.

– Слава тебе Господи, – со слезами умиления говорила Агафья Андреевна, – хотя одну помог Бог устроить.

Этой счастливицей была старшая дочь, восемнадцатилетняя Глаша: она выходила замуж, и за такого жениха, о котором не смела и мечтать.

В десяти верстах от Медвежьего Лога было большое базарное село Полянки. Там с зимы открылась первая постоянная лавка с разным мелочным и красным товаром. (*Красный товар (уст.) – мануфактура, ткани*) Хозяин этой лавки, молодой купец Филимон Игнатьевич Савельев, приезжал летом по делам в Медвежий Лог и познакомился с семьей Ивана Антоновича. Глаша с первого раза, видимо, очень понравилась ему, и он стал довольно часто навещать в Медвежий Лог. О причине его посещений нетрудно было догадаться: и как отец с матерью, так и молодая девушка, были в восторге. Иван Антонович не знал, куда лучше усадить, каким разговором приятнее занять дорогого гостя; Агафья Андреевна не спала по ночам и входила в долги, чтобы приготовить для него угощение повкуснее; Глаша надевала для него свои лучшие платья и щедро мазала голову самой душистой помадой. Наконец, дело пришло к желанному концу, и в один

ясный осенний день Глаша была объявлена невестой Филимона Игнатьевича. Свадьбу решили не откладывать надолго: частые поездки к невесте отрывали жениха от дел, и Глаше хотелось поскорее стать купчихой, хозяйкой, променять бедную хату отца на зажиточный дом мужа. На другой день после Покрова отпраздновали свадьбу, отпраздновали очень скромно: у Ивана Антоновича не было лишних денег, а Филимон Игнатьевич не любил тратиться на такие пустяки, как прием и угощение гостей.

Глаша благополучно водворилась в доме мужа, а жизнь в семье Ивана Антоновича пошла своей обычной чередой, только и Агафье Андреевне, и Капочке приходилось работать еще больше прежнего, делать вдвоем работу, которой хватало на трех. Агафья Андреевна уставала, а от усталости она всегда становилась сердитой и бранчливой. В прежнее время, когда на нее находили припадки раздражительности, она всегда ворчала на бедность, на недостатки, на неумение мужа найти себе место повыгоднее, теперь неудовольствие ее обращалось главным образом на Петю. В холодную, дождливую, осеннюю погоду он не мог уходить в лес, поневоле приходилось ему беспрестанно попадаться на глаза матери.

– Скажи ты мне на милость, – приставала она к нему, – неужели же ты так всю жизнь будешь слоняться без дела? Ведь учили же тебя чему-нибудь в Москве? Неужели ты не можешь найти себе никакого занятия?

– Да где же мне искать? – робко спрашивал Петя.

– Где?.. Ну, отца бы просил, коли сам не можешь, чего он в самом деле не похлопочет?

Но Иван Антонович и без просьбы сына много думал о том, как бы пристроить его. Задача была нелегкая: какую работу, какое место найти для тринадцатилетнего мальчика – слабосильного, неловкого, близорукого, ничего не знающего, кроме русской грамоты, с грехом пополам арифметики, да нескольких правил латинской грамматики. Он попробовал было попросить управляющего, не найдется ли для Пети какого-нибудь занятия в имении, но управляющий, строгий, аккуратный немец, укоризненно покачал головой:

– Эх, Иван Антонович, – сказал он, – сами вы знаете, мальчик у вас глупый, неспособный, какое же ему у нас может быть занятие, мне стыдно и рекомендовать его куда-нибудь, когда он и в гимназии не мог учиться, и у господ не ужился.

Иван Антонович тяжело вздохнул и ничего не мог возразить. Он находил, что управляющий прав, что Петя в самом деле ни к чему неспособен, ни на что не годен. Одна надежда оставалась на Федора Павловича. Он написал ему почтительное письмо, умоляя куда-нибудь пристроить мальчика, хотя бы в услужение в какой-нибудь богатый дом. Федор Павлович не замедлил ответом: он выражал сожаление, что Иван Антонович не находит утешения в своем старшем сыне, посылал двадцать пять рублей на Петины расходы, но положительно отказывался пристроить его куда бы то ни было.

«Отдавать его в какое-нибудь учебное заведение, – писал он, – не стоит, он неспособен к наукам; для занятия ремеслом он слишком слаб, да я и не знаю никакой хорошей мастерской, куда можно бы поместить мальчика; что касается до места лакея, о котором вы пишете, я, понятно, не могу определить на такое место мальчика, который был товарищем моих сыновей; к тому же, по своей неловкости и близорукости, он едва ли в состоянии порядочно служить в этой должности».

Письмо Федора Павловича пришло при Филимоне Игнатьевиче, приехавшем вместе с женой навестить родных. Иван Антонович прочел его громко при всех, и вся семья стала обсуждать судьбу Пети.

– Истинно божеское наказание, – плакалась Агафья Андреевна, – ну, что мы будем с ним теперь делать? Вот и будет вечно сидеть на шее отца.

– Ума не приложу, куда бы пристроить его? – говорил Иван Антонович. – Ведь он уже не маленький, надо, чтобы он выучился зарабатывать себе хлеб насущный. Да и нехорошо мальчику без дела шляться – избалуется.

– Известно, избалуется! Это, как Бог свят! – подтвердил Филимон Игнатьевич. – Горе вам с ним не малое. А я так думаю, что как теперь по родству, так следует мне этому вашему горю помочь. Отдайте мне его. Он малый смирный, грамотный, может, мне и удастся приспособить его к своему делу. Я сам часто в разъездах бываю, он вместо меня в лавке

посидит, и Глашеньке приятно будет, что у нас в доме свой, а не чужой какой мальчишка.

Иван Антонович и Агафья Андреевна рассыпались в благодарностях. О согласии Пети никто и не спрашивал. Само собой разумеется, что он должен быть и рад, и благодарен, должен думать об одном, чем бы заслужить милость Филимона Игнатьевича.

– Что же ты все молчишь, Петя? – с неудовольствием обратился к нему Иван Антонович. – Поблагодари же Филимона Игнатьевича, скажи, что постарайся услужить ему.

– Я буду стараться, – совершенно искренно проговорил Петя.

Он не знал, что ждет его в доме зятя, но он был рад, что и для него нашлось какое-нибудь дело, что и он наконец может зарабатывать свой хлеб и не слышать упреков в дармоедстве.

Филимон Игнатьевич не любил никакого дела откладывать в дальний ящик, и так как в той тележке, в которой он с женой приехал в Медвежий Лог, было место для третьего, то он предложил в тот же день взять Петю с собой. Все были очень рады этому, одна только бабушка всплакнула, прощаясь с любимым внуком.

Агафья же Андреевна напутствовала сына следующим внушением:

– Смотри у меня, Петр, если и тут не уживешься, лучше не являйся мне на глаза.

Петя не был у Глашеньки после ее свадьбы, и ей очень

хотелось поскорей показать ему свои владения. Дорогой она все толковала ему, как хорошо и весело жить в Полянках, гораздо лучше, чем в Медвежьем Логе, и какой бедной, темной представляется ей теперь отцовская хата после того, как она пожила в своем доме. Молодая женщина видимо очень гордилась и этим домом, и всем достатком своего мужа.

Новый двухэтажный дом Филимона Игнатьевича стоял на самой базарной площади села Полянок. Это был прочный деревянный дом, с красной железного крыши, зелеными ставнями и зеленым же забором, окружавшим просторный двор с разными хозяйственными постройками. В нижнем этаже помещалась лавка Филимона Игнатьевича:

«Продажа красного боколейного и протчего товара», как значилось большими красными буквами на черной вывеске, и кладовые, где хранился этот товар; в верхнем этаже жили сами хозяева.

– Ты смотри, Петруша, как у нас хорошо, – говорила Глашенька, с горделивой радостью показывая брату свое царство: чистую горницу, предназначенную для приема почетных посетителей и убранную «по благородному», с диваном, мягкими креслами и простеночным зеркалом, другую комнату попроще, уставленную деревянными столами и скамьями, сундуками, покрытыми пестрыми коврами и огромным посудным шкафом, спальню с грудой перин и подушек на кровати и, наконец, кухню с громадной печью, около которой возилась рябая одноглазая работница Анисья, предмет

немалой гордости Глаши, которой первый раз в жизни приходилось иметь «свою» прислугу.

После квартиры Красиковых, после других богатых домов, которые Петя видел в Москве, Глашино царство не могло поразить его своим великолепием. Но когда он сравнивал это просторное светлое, помещение с тесной, душной избой отца, он понимал, что сестра его могла радоваться перемене своего положения. После комнат она заставила его подробно осмотреть все чуланы и кладовые, потом повела его на двор и показала ему новую лошадь, корову, кур, даже цепную собаку. Петя все хвалил, все находил прекрасным.

– Да, – не без самодовольства заметил Филимон Игнатьевич, подходя к ним, – хорошо, у кого есть свой достаточек. Это мне все покойный родитель оставил. Все его трудом да умом нажито. А был он сначала совсем бедняга, не лучше тебя, Петя. Также мальчишкой в лавке служил. А как присмотрелся к делу, и начал понемногу сам за себя торговлей заниматься. Дальше, да больше, приобрел так, что и себя в старости успокоил, да и нам с братом (у меня брат в Москве торгует) оставил на помин своей души.

– Вот бы и тебе также, Петенька! – сказала Глаша: – по-привык бы около Филимона Игнатьевича да и стал бы сам торговать.

Петя ничего не отвечал. Но вечером, лежа на жесткой постели в маленькой теплой комнатке сзади лавки, он вспомнил слова сестры, и ему представилось, что в самом деле хо-

рошо бы разбогатеть, как разбогател отец Савельева, нажать себе такой же дом, такую же лавку, быть не «мальчишкой», а хозяином.

«Может, дело и не очень трудное, – думалось ему, – постараюсь... Буду изо всех сил стараться, авось, хоть тут не скажут: „не может, не способен“».

Глава VIII

Раз в неделю в Полянках бывал базарный день. С раннего утра, еще до восхода солнца, на площади появляются возы с разными деревенскими продуктами: с сеном, дровами, овсом, мукой, крупой, замороженными поросятами, курами и утками. Бабы приносят лукошками яйца, ведра соленых груздей и рыжиков, мешки с пряжей и толстым холстом своей работы; торговцы раскидывают палатки с разным мелким товаром; мясники выкладывают на столы всевозможные куски говядины, телятины, баранины и свинины, калачницы и пирожницы спешат занять места получше и при этом перебраниваются самым бесцеремонным образом. Площадь быстро наполняется народом. Не только все полянковцы, но и жители соседних деревень, верст на десять в округности, ждут субботы, чтобы побывать на базаре. Одному надо что-нибудь продать, другому купить, а главное, всякому хочется просто потолкаться между людей, встретиться со знакомыми, послушать новостей.

В базарные дни лавка Филимона Игнатьевича открыта с семи часов утра, и с семи часов в ней уже толпятся покупатели. Ловкий, расторопный хозяин всякому успеет угодить; товары у него самые разнообразные, на все вкусы: разные материи на платья, начиная от бархата и атласа до простого ситца; всякие закуски: колбаса, ветчина, сыр, сельди; раз-

ная посуда, как чайная, так и столовая, и всевозможные вещи, необходимые в хозяйстве: соль и керосин, деготь и чай, сахар и помада, уксус и патока. Другой покупатель зайдет в лавку купить всего на гривенник, а поглядит одно, другое и сделает покупок на целый рубль. С пустыми руками Филимон Игнатьевич никого от себя не отпускал: одних он пленял необыкновенной почтительностью и услужливостью, других поражал решительностью, с какой объяснял, что лучше и дешевле товара нельзя найти даже в Москве, третьих привлекал своей обходительностью, своей готовностью потолковать о всяком деле, посочувствовать всякому горю.

– Люблю Филимона, – говорил про него толстый полянский трактирщик, – хоть и надует, да зато всякое уважение сделает, оно как будто и не обидно.

При таком юрком хозяине Пете было немало дела. Первое время беспрестанные покрикивания: «живей, отвесь фунт сахару», «отмерь десять аршин тесемки», «подай красный ситец с верхней полки», «сбегай в подвал за селедкой», «налей полфунта керосину», «поворачивайся», «скорей», «не задерживай покупателя», смущали и ошеломляли его до того, что он, как потерянный, бросался из стороны в сторону, одно ронял, другое проливал, третье забывал. Но мало-помалу он привыкал к роли «мальчишки», как его называли хозяин и покупатели, выучился отвешивать, отмеривать, завертывать и завязывать в бумагу. Он узнал названия всех товаров, где и как они лежат, какую цену запрашивать и за

сколько можно их уступать. Филимон Игнатьевич перестал бранить его при всех «филей», «разиней», «увальнем» и тому подобное, иногда даже, отлучаясь из лавки на час, другой, поручал ему заменять себя.

На тревожные вопросы Ивана Антоновича и Агафьи Андреевны – доволен ли он Петей? Привыкает ли мальчик? Филимон Игнатьевич как-то неохотно отвечал:

– Ничего, он парень смирный, старательный.

Но с Глашей он говорил откровеннее: – Не знаю, право, будет ли какой толк с Пети, – рассуждал он, – он не дурак, и послушен, и в шалостях ни в каких не замечен, а все как-то не того... Сути нашего дела понять не может.

Это была правда. Многого в деле Филимона Игнатьевича Петя совсем не мог понять. Он не мог понять, как сделать, чтобы четыре с половиной фунта весили пять фунтов, а девять с половиной аршин оказывались десятью, не мог понять, почему кабатчику, который уже задолжал в лавку больше двадцати пяти рублей, можно отпускать в долг, а тетке Маланье, которая честно уплатила свой долг в пятнадцать копеек, нельзя поверить без денег и двух фунтов соли. Не понимал он также, кому из покупателей можно сбывать гнилой, линючий или подмоченный товар и кому нельзя, с кого следует запрашивать втридорога и после длинных переговоров «сделать уважение» и кому, напротив, следует назначать настоящую цену.

Иногда за ужином Филимон Игнатьевич любил порасска-

зять о своих торговых удачах:

– Посчастливилось мне сегодня, – говорил он, утолив голод тарелкой жирного борща, – помнишь, Глашенька, я купил весной чуть не задаром десять фунтов подмоченного чаю, сегодня все спустил по рубль двадцать за фунт. Из Покровки приехал Силантьев, он там открыл лавочку, да дела не понимает, я ему на двадцать фунтов и подложил десять попорченных. Не беда, в деревне не разберут, а нам лишних десять рублей не мешают.

– Конечно, не мешают! – поддакивала Глашенька, смотря с блаженной улыбкой на своего умного мужа.

– Глупый народ бывает на свете! – смеялся в другой раз Филимон Игнатьевич: – приходит сегодня баба, купила соли, керосину, опояску мужу, себе платок и дочке платок; вытаскивает деньги, а у нее всего восемьдесят копеек, двадцать копеек не хватает. Вертится, так, сяк, – «уступите», «в долг поверьте». Потом стала выбирать, чего можно не купить: без соли да без керосину нельзя домой придти – муж поколотит, и на опояску муж дал деньги, а платки-то очень уж приглянулись, жаль с ними расстаться... Я смотрю, у нее в кузовке мотки шерсти. Ну, говорю, тетка, я так и быть, ради твоей бедности, возьму у тебя вместо денег шерсть; давай два мотка за платок. Она сначала, куда тебе, на базаре, говорит, продам дороже! А потом жалко ей с платками расстаться – отдала дура. А ведь я за моток шерсти копеек сорок в городе возьму. Барыш хоть куда!

– Побольше бы таких дур, хорошо бы нам было! – смеялась Глашенька.

А Петя не смеялся и не восхищался ловкостью своего хозяина. Ему было жалко и покупателей Силантьева, которым придется пить гадкий подмоченный чай, и бабу, которая так дорого заплатила за приглянувшийся ей платок.

Он вспомнил, как мечтал разбогатеть, подобно отцу Филимона Игнатьевича, и думал, что если богатство можно приобрести только тем путем, каким приобрел его Савельев, то он должен отказаться от надежды стать когда-нибудь человеком богатым.

В один зимний вечер Петя остался в лавке без хозяина, Филимон Игнатьевич уехал тотчас после обеда в одну деревню, верст за тридцать. Там летом побило поля градом, у мужиков не хватало хлеба, и они, чтобы прокормиться, продавали за бесценок скот и лошадей; нельзя было упустить такой удобный случай поживиться.

День был не базарный и покупателей приходило в лавку очень мало. Петя уже собирался закрыть ее, как вдруг на пороге появился высокий, седой старик.

– Дома хозяин? – суровым голосом спросил он.

– Нет, хозяин уехал, а вам что угодно? Я могу и без хозяина продать вам, что потребуется, – отвечал Петя, стараясь подделаться под тот любезный тон, каким Филимон Игнатьевич говорил с почетными покупателями.

– Мне вашего товару не требуется! – заговорил старик,

облокотясь о прилавок и пристально глядя на Петю, – я пришел только сказать твоему хозяину, да коли хочешь, так и тебе, что вы обманщики и плуты.

– Как же это так? – растерялся Петя.

– А вот как: в прошлую субботу к вам пришла моя невестка и купила у вас ситцу себе на сарафан да мальчишкам своим на рубашки. Хозяин твой клялся и божился, что ситец крепкий, хороший, а он оказался как есть гнилой да линючий. А за этот ситец вы с бабы взяли двадцать аршин холста, который она, почитай, ползимы ткала, ночей недосыпаючи. Не мошенничество это по-твоему?

– Я не знаю, это хозяйское дело! – еще больше смутился Петя.

Он хорошо помнил и бабу с ее простодушным лицом, и ее холст, и ситец, который по приказанию хозяина он достал для нее с верхней полки, где лежал попорченный товар.

– Не знаешь? Хозяйское дело? – повторил старик, – может это и правда, а только вот я тебе что скажу, и ты этого не забывай: кто живет с нечестными людьми, укрывает воров, помогает мошенникам, тот сам вор и мошенник, так его всякий и разумеет, помни это.

Старик говорил суровым, каким-то зловещим голосом и как будто для того, чтобы придать больше выразительности словам своим, ударил палкой об пол. Ужас охватил Петю. Может быть, его испугало неожиданное появление старика или его угрожающий тон, а может быть, он раньше, в глубине

души неясно слышал те же слова, потому-то они и ошеломили его. Несколько минут сидел он молча, закрыв лицо руками, не смея шевельнуться. Когда он решился открыть глаза и оглянуться – в лавке никого не было. Осторожно, словно крадучись, подошел мальчик к двери и приотворил ее; нигде на улице не видно было старика. Он все так же осторожно, боязливо запер дверь и ставни окон, погасил в лавке огонь и пробрался в свою каморку на постель. Ему ни за что не хотелось идти наверх к Глаше, слушать ее болтовню, отвечать на ее расспросы, поджидать с ней вместе возвращения Филимона Игнатъевича. Ему хотелось быть одному, совсем одному. Он чувствовал лихорадочную дрожь во всем теле, а мысли, все грустные, печальные мысли толпились в голове его...

«Вор, мошенник... Неужели это правда, неужели он заслужил эти ужасные названия?.. Но чем же он виноват?.. Он не хотел быть в тягость отцу и матери, он хотел сам зарабатывать свой хлеб... Старик говорит: „кто помогает мошенникам“, но как же он может не помогать, как он может не слушаться хозяина, ведь тогда Филимон Игнатъевич наверно прогонит его, и опять придется ему вернуться домой, как два года тому назад, и опять слышать „лентяй, дармоед“? Тогда хоть была жива бабушка, можно было отдохнуть около нее, а теперь никого... Она умерла прошлым летом и его не отпустили даже попрощаться с ней... Вор, мошенник... Неужели в самом деле его будут так называть? А он всегда хотел быть

честным, никого не обманывать, не обижать, честно зарабатывать себе пропитание... Но что же ему делать? Все говорят: неспособен, ничего не может... Неужели же он к одному только способен – быть мошенником? Нет, неправда, к этому он совсем не способен и не хочет быть способным, он до сих пор только слишком боялся Филимона Игнатьевича, он был слишком тих и покорен»...

На следующий день Филимон Игнатьевич заметил, что Петя был бледнее и угрюмее чем обыкновенно. Он по-прежнему молчаливо и старательно исполнял поручения хозяйна и услуживал покупателям, но в поведении его появилось нечто новое, чего прежде не было и что не могло нравиться Филимону Игнатьевичу. Когда в лавку вошел какой-то полупьяный мужик, сделал покупок на сорок копеек; отдал рубль и хотел уходить, не дождавсь сдачи, Петя побежал за ним и почти насильно всунул ему шестьдесят копеек сдачи.

Когда какие-то бабы пришли покупать платки и Филимон Игнатьевич, занявшись другими покупателями, велел Пете показать им «самых лучших московских, с верхней полки», Петя достал из ящика те платки, про которые знал, что они действительно прочные, нелиняющие... Когда Филимон Игнатьевич оставлял его одного в лавке, он ничего не запрашивал лишнего с покупателей, а брал с них ту цену, за которую хозяин позволил ему уступить товар. Филимон Игнатьевич сначала молча хмурился на эти поступки Пети, потом начал ворчать на него и, наконец, прямо объявил ему:

– Ты у меня не изволь мирволить покупателям. Это что за порядки? Хочешь у меня служить, так мне и усердствуй, а не другим.

– Я все делаю, что вы велите, – возразил Петя, – только зачем же обманывать?

Филимон Игнатъевич рассердился.

– Обманывать? Это еще что выдумал? Ты это меня, пожалуй, обманщиком ставишь? Ах ты негодный мальчишка! Вот уж не на радость связался с дураком!

Он рассказал о Петиной дерзости Глаше, та пришла в ужас и при нервом же свидании передала отцу и матери, как глуп Петя. Агафья Андреевна нарочно приехала в Полянки, чтобы хорошенько побранить сына еще раз повторила ему:

– Смотри, не думай домой возвращаться. Знай, что я тебя и на порог не пущу, если ты пойдешь против Филимона Игнатъевича. Смеешь ли ты осуждать его? Ты должен денно и ночью молить за него Бога, как за своего благодетеля, да всячески угождать ему, а не дерзости делать, так ты и помни.

Тоска напала на Петю. Ни от кого не находил он себе поддержки, нигде не видел выхода из своего положения. «Угождать» Филимону Игнатъевичу, значило приучаться мошенничать, не угождать – значило слышать беспрестанные упрёки, брань, и в конце концов быть со стыдом выгнанным из лавки.

Опять, как два года тому назад, перед мальчиком явился мучительный вопрос, что он знает, что умеет, чем может за-

работать себе кусок хлеба? И опять он не мог ответить на этот вопрос. Впрочем, нет, за это время он научился быть мальчишкой в лавке, он, пожалуй, мог бы достать себе место у другого торговца. Не все же они ведут дела свои так, как Филимон Игнатьевич, между ними есть и совершенно честные люди... Да, но как найти их? В Полянках не было другой лавки, пойти разве в город?.. В первый раз, когда эта мысль пришла в голову Пети, он отогнал ее, как совершенно нелепую. Но она стала все чаще и чаще посещать его. При всякой неприятности он убеждал себя:

«Отчего же мне не идти? Ведь я уже не ребенок, мне шестнадцатый год. Другие в мои годы ходят как далеко на заработки. Чего мне здесь жалеть?»

Наконец решение уйти так крепко засело у него в голове, что он ни о чем другом не мог думать. Он не говорил никому ни слова о своем намерении, но понемногу готовился, копил деньги на дорогу из того небольшого жалованья, какое платил ему Филимон Игнатьевич, и заводил разговоры с покупателями, стараясь разузнавать от них о жизни в соседних городах и о дороге туда.

– Если бы Петр не был твой брат, – говорил Филимон Игнатьевич своей жене, – давно бы прогнал я его. Никакого проку с него нет и не будет. То выдумал напускать на себя какую-то честность, а теперь ходит как потерянный. Говоришь ему одно, он делает другое, то не доведет, то перемерит, сегодня вместо постного масла налил в бутылку кероси-

ну, вчера вместо сахарного песку отпустил соли.

И опять, как в первое время жизни в лавке, Пете пришлось слышать: «ротозей», «простофиля», но теперь это не огорчало его.

«Пусть себе бранится – думалось ему, – теперь уже не долго, переживу только зиму, а как весна, так и уйду».

Глава IX

Петя знал, что если он расскажет кому-нибудь из родных о своем намерении оставить Филимона Игнатьевича, все на него накинется, станут и бранить, и упрекать, и всячески отговаривать его. Поэтому он решил уйти потихоньку и уже с дороги написать матери письмо с объяснением, отчего ему было невозможно оставаться в Полянках и захотелось поискать счастья на другом месте. В этот год Святая была поздняя. Лавка Филимона Игнатьевича оставалась запертой первые три дня праздника, и Пете позволили провести эти дни у родителей. Сначала Глашенька собиралась сама ехать с ним в Медвежий Лог в первый день праздника после обеда, но ее маленький, полугодовой сынок вдруг захворал, и она решила лучше остаться.

– Поздравь за меня папеньку и маменьку, – говорила она Пете, – скажи, что как только Игнаша выздоровеет, я к ним сама приеду и гостинца привезу, скажи...

Но Петя не слушал поручений сестры. Если уходить – так именно теперь. Лучшего случая не дожидаться. Его не хватятся целых три дня, а в три дня он будет уже далеко и напишет матери письмо. Он наскоро попрощался с Глашей, не стал ждать, пока проснется заснувший после обеда Филимон Игнатьевич, сбежал в свою каморку, связал в узелок свое белье и платье, сунул за пазуху мешочек с деньгами и десяток

крашенных яиц, полученных в подарок от сестры, и, дрожа от волнения, беспрестанно озираясь по сторонам, вышел на улицу. Ему очень хотелось пуститься бежать, но он нарочно задерживал шаг, чтобы не возбудить подозрения соседей.

– Куда это ты собрался, Петя, с таким узлом? – спрашивали у него встречавшиеся ему на улице знакомые.

– В Медвежий Лог, к отцу, – отвечал он, стараясь казаться спокойным, хотя голос его дрожал.

– Должно быть, гостинца старикам несешь? – продолжали любопытные, оглядывая узел с пожитками Пети: – Филимон Игнатьевич, что ли, посылает?

– Нет... это так... мое... – конфузился Петя.

– Твое? Ну, что ж, хорошо, что сам припас. Иди, иди, порадуй отца с матерью. Чай, заждались тебя.

Тяжело было Пете выслушивать эти добродушные замечания. Все думают, что ради такого большого праздника он хочет порадовать отца с матерью, а он... Сердце его сжималось, но он твердым шагом шел вперед. Вот он миновал и Полянки, и кладбище за полверсты от деревни, еще пройти версту и там за рошей дороги разойдутся: направо – в Медвежий Лог, к родным, налево – в Заречье и оттуда прямо по шоссе к железной дороге.

На перекрестке Петя приостановился на минуту.

– Идти или нет?.. Еще время есть повернуть направо... Отец и мать встретят с радостью... Будут угощать... Нет, пустяки, идти так идти. Не к чему возвращаться!.. Он повер-

нул направо и нарочно ускорил шаг, чтобы не давать себе времени раздумывать. До Заречья было двадцать пять верст. Петя прошел их, почти не отдыхая, но подойдя к деревне почувствовал, что больше не может двигаться, и решил заночевать. Из Заречья мужики часто приезжали в Полянки, многие из них знали Петю, а он больше всего боялся встречи со знакомыми. На главной улице слышались песни, смех, громкие разговоры. Петя свернул в переулочек и стал пробираться задами мимо огородов и овинов. У самого выхода из деревни он заметил полуразрушенный домик, служивший, вероятно, прежде баней. Он вошел туда и припер за собой дверь. День был праздничный; народ гулял и веселился, кому придет охота заглядывать сюда? Избушка была низенькая, с земляным полом, с двумя небольшими отверстиями в стене вместо окон, без потолка и с широкими дырками в полуразобранной крыше. Но ночь была довольно теплая, усталость одолевала мальчика, здесь он мог отдохнуть, никого не встретив, не слыша никаких назойливых вопросов. Он подложил себе под голову свой узелок, растянулся на жестком полу и через пять минут уже спал крепким, спокойным сном.

Солнце стояло высоко на небе и заливало своими яркими лучами его убогое убежище, когда он проснулся на следующее утро. Голод мучил его; он вспомнил взятые с собой крашеные яйца и позавтракал ими без хлеба и без соли. Времени нельзя было терять. До станции железной дороги он должен был пройти десять верст, а ему непременно хотелось

сесть на поезд в тот же день. Подкрепившись сном и пищей, он двинулся в путь и выбрался из деревни опять задворками, чтобы никого не встречать.

Было уже более полудня, когда Петя, еле передвигая ноги от усталости, дотащился, наконец, до станции железной дороги. Он вошел в большой пустой зал; несколько человек, с узелками и котомками, скромно сидели на скамейках около стен. Окошечко кассы было открыто.

– Позвольте мне билет до Москвы, – робко обратился Петя к кассиру.

– Московский поезд ушел полчаса тому назад, – отвечал тот, – другого до завтра не будет, я продаю билеты в Н...

Петя задумался. Н. был большой город, наверное и там можно найти работу. По крайней мере туда он поедет сейчас, а завтра его, пожалуй, схватят дома, могут найти здесь на вокзале и вернуть. Да Н. и ближе, чем Москва, может быть ему не придется отдать все свои деньги за билет, останется хоть что-нибудь на пищу.

– Позвольте мне билет в Н., – еще более робким голосом попросил он кассира.

Кассир окинул подозрительным взглядом молодого путешественника, который, очевидно, сам не знал, в какую сторону ему ехать, но не сказал ни слова и молча протянул ему билет. Какое счастье! У Пети осталось еще рубль шестьдесят копеек. Он тотчас же купил себе в буфете станции большой кусок хлеба и, усевшись в вагон подъехавшего поезда, при-

нялся с спокойным сердцем подкреплять себя пищей.

Третий раз в жизни он ехал по железной дороге и как различны были его ощущения во все эти три раза! В первый раз он чувствовал себя несчастным ребенком, брошенным среди чужих людей, во второй его мучила мысль о приеме, ожидающем его дома, теперь же, внимательно оглядев немногих пассажиров, сидевших с ним вместе в вагоне, и убедившись, что эти лица совершенно незнакомы ему, он стал бодро смотреть во все стороны. На душе его было легко и спокойно; он чувствовал, что поступил хорошо, бросив Филимона Игнатьевича со всеми его ловкими проделками, что ему пора начать самостоятельную жизнь.

Мысль о родителях, о том, как они и встревожатся, и рассердятся, узнав, что он исчез, несколько пугала его. «Ничего, я напишу им, как только найду место», утешал он себя, «я им все объясню, они успокоятся, когда узнают, что я при деле»...

В Н. поезд пришел на следующий день рано утром. В вагоне Петя отдохнул хорошо, выспался и решил, не теряя времени, начать свои поиски места. У него не было ни рекомендаций, ни знакомых в городе, но это нисколько не беспокоило его. Он направился прямо к большому магазину бакалейных товаров, помещавшемуся против вокзала, и, вежливо поклонившись хозяину его, спросил – не нужен ли ему мальчик в лавку. Хозяин, высокий, седобородый купец, сердито посмотрел на него:

– Какой там еще мальчик? – заворчал он: – у меня своих внучат трое, понадобится мальчик, не стану чужого брать, проваливай, некогда пустяками заниматься.

Неудачное начало не смутило Петю. Конечно, он и не надеялся, что его возьмут в самой первой лавке. Надо походить, еще попробовать. И он стал ходить из улицы в улицу, из переулка в переулок. Сначала он выбирал магазины покрасивее и побогаче с виду, потом заходил и в самые маленькие лавчонки. Большею частью продавцы сухо отвечали ему «не надо мне никакого мальчика» и следили за ним подозрительным взглядом; некоторые встречали его предложение насмешкой; некоторые вступали с ним в разговор, расспрашивали откуда он, где прежде служил, имеет ли рекомендацию от прежнего хозяина? Когда Петя отвечал, что у него нет ни рекомендаций, ни знакомых в городе, которые могли бы за него поручиться, ему объясняли, что нельзя взять с улицы незнакомого мальчика и переставали заниматься им. Целый день проходил таким образом бедный мальчик, отдыхая на скамейках около ворот. Голод, усталость одолевали его. Он зашел в маленький трактир в одной из бедных улиц города и присел к столику, около которого несколько человек рабочих с большим аппетитом уничтожали миску горячей селянки. Он спросил и себе порцию этого кушанья и, дождавшись, пока рабочие, окончив ужин, стали собираться уходить, обратился к ним с робким вопросом: «Не знаете ли вы, где бы мне переночевать?»

Рабочие с недоумением посмотрели на него.

– Ты что же это, паренек, не здешний, что ли? – спросил один из них.

Петя рассказал, что пришел из деревни издалека искать работы, что целый день напрасно предлагал свои услуги в лавках, что в городе у него никого нет знакомых. Рабочий с состраданием посмотрел на него.

– Не знаю, какую работу ты найдешь, молод ты, да и жидок с виду, должно, силы-то у тебя немного. А на счет ночлега я тебя проведу к своей куме, к Кондратьевне: она пускает к себе ночлежников, женщина она хорошая, честная, у нее тебя никто не обидит, а так зря ходить тебе не годится, на тебе одежда порядочная и в узелке вещи есть, город не деревня, здесь надо держать ухо остро, мошенников много, оберут тебя как липку.

Петя поблагодарил рабочего и хотел сейчас встать и идти с ним вместе, но рабочий остановил его.

– Нет, это не дело! – сказал он, – ты спросил себе порцию, за нее деньги придется платить, так ты и ешь, а я подожду, мне не к спеху.

Домик Кондратьевны помещался почти на выезде города, в так называемой «Собачьей слободе». Он состоял всего из одной комнаты, разделенной дощатой перегородкой на две неравные части, – в меньшей жила сама Кондратьевна с своими двумя маленькими внучками-сиротками, другую, большую, она отдавала в наем ночлежникам. За пять копе-

ек желающий получал от нее соломенный тюфяк сомнительной чистоты и право расположиться с этим тюфяком на ночь в любом месте совершенно пустой комнаты. Мало удобств представляла эта комната с низким закоптелым потолком, с расщелившимся полом и перекосившимися стенами, по которым свободно расхаживали клопы и тараканы, но бесприютные бродяги и рабочие, не имевшие возможности нанять себе постоянную квартиру, охотно шли к Кондратьевне. Им нравилось, что она не пускает к себе ни пьяных, ни буянов, следит, чтобы никто из ее постояльцев не унес ничего чужого, встречает всех приветливо, выслушивает рассказы о разных бедах и неудачах, при случае дает хорошие советы. Летом у нее редко ночевало меньше десяти человек, а в дождливые осенние и холодные зимние вечера число ночлежников доходило иногда до двадцати пяти.

Когда Петя вошел со своим спутником к Кондратьевне, лучшие места в комнате были уже заняты: этими лучшими считались летом места около окон, зимой поближе к печке. Кондратьевна приняла мальчика радушно, выбрала для него постель почище, сострадательно покачала головой, узнав, что он пришел в город искать места, и предложила ему беречь у себя его вещи, чтобы ему не приходилось постоянно носить с собой свой узелок. Несмотря на усталость после дороги и целого дня ходьбы по городу, Петя долго не мог спать. Сначала он невольно присматривался к своим сотоварищам по комнате. После него пришло еще человек семь.

Все это были люди, истомленные нуждой, с испытанными лицами, в грязной разорванной одежде; они не снимали этой одежды, ложась спать, только стаскивали с ног грубую обувь в дырках или заплатах. Одни долго кряхтели и ворчали про себя, укладываясь на свои жесткие постели, другие заводили друг с другом разговоры вполголоса. И невеселые были эти разговоры. Один рассказывал, какие тяжелые кули таскал он на вокзале железной дороги и как мало удалось ему заработать; другой говорил, что напрасно ходил на стеклянный завод за десять верст от города в надежде найти хотя какую-нибудь работу, третий жаловался, что хозяин, у которого он работал прежде, взял другого работника, пока он лежал в больнице в тифе, четвертый объявлял, что завтра же идет в деревню.

– Буду Христовым именем питаться, да дойду до родной стороны, – говорил он, – шел в город, думал, найду здесь работу, с деньгами вернусь, гостинцев ребятам наобещал, а какие там гостинцы? Что заработал за зиму, того еле на пищу хватило, даже одежды себе не справил.

«Боже мой, Боже! Неужели и со мной будет то же?» – думал Петя, с тоской прислушиваясь к этим грустным речам. Мало-помалу разговоры замолкли, послышался храп, сопенье на разные голоса; какой-то старик несколько раз вскрикивал во сне страшным голосом, в другом углу комнаты кто-то громко бредил. Клопы немилосердно кусали Петю, за стеной раздавался плач девочки, у которой был нарыв на паль-

це.

Уже светало, когда Петя наконец заснул, и заснул так крепко, что не слышал, как ушла большая часть ночлежников. Проснувшись, он увидел, что в комнате, кроме него, было всего три человека. Рабочий, собиравшийся в деревню, переговаривался через перегородку с Кондратьевной и описывал ей преимущества деревенской жизни перед городской; старик, кричавший во сне, обвязывал грязными тряпками свои больные ноги, молодой парень лет восемнадцати потягивался на матраце и с любопытством поглядывал на Петю, который и наружностью и по чистой одежде резко отличался от обычных посетителей ночлежного приюта. Заметив его устремленный на себя взгляд, Петя заговорил с ним и рассказал ему, что ищет какого-нибудь места.

– Вот охота жить на месте! – отозвался парень: – работать целый день, угождать хозяевам, одна скука. Пойдем лучше со мной на вокзал, там всегда заработаешь копеек двадцать-тридцать в день, кому извозчика позовешь, кому можешь что снести, по крайности делаешь, что хочешь, никто тобой не помыкает.

– Ну, ты, Сенька, не сбивай мальчика с толку, – отозвалась Кондратьевна. – Это что за жизнь шляться около вокзала, один день сыт, да два голоден, ему надо порядочное место, чтобы он от работы не отвыкал.

– Я вот что тебе скажу, Петруша, так тебя, кажись, звать? – продолжала она, входя в комнату: – попробуй ты зайти в ти-

пографию, ты грамотный, тебя могут взять в наборщики. У меня знакомый наборщик сорок рублей в месяц получает, Павел Николаев; ты ему скажи, что от меня пришел, он за тебя похлопочет, поместит тебя.

Петя от души поблагодарил добрую Кондратьевну и, расспросив у нее, как найти типографию, направился прямо туда.

Типография помещалась на одной из главных улиц города. Не без робости вошел Петя в большую комнату, где за какими-то высокими, как ему показалось, столами работало человек 20. Узнав, что он прислан Кондратьевной, один из этих рабочих, Павел Николаев, пожилой человек степенной наружности, одетый в серую блузу, подпоясанную ремнем, подошел к нему, отвел его в дальний угол комнаты, расспросил его, какой работы он ищет, что умеет делать, и обещал тотчас же сходить к управляющему попросить, чтобы его приняли в типографию учеником. Через четверть часа он принес удовлетворительный ответ: управляющий поручил ему испытать Петю и, если он окажется способным, соглашался принять его в типографию.

Павел Николаев подвел мальчика к одному из «столов» и показал ему так называемую «кассу», большой ящик, разделенный на клетки, в которых помещались буквы.

– Вот тебе урок до обеда, – сказал он ему, – смотри, какая буква где лежит и запоминай, а я потом спрошу.

Петя вынул из одной клетки маленький металлический

брусочек и с недоумением вертел его в руках. С большим трудом, близко поднеся его к глазам, рассмотрел он на нем очертание буквы п. На другом брусочке ему оказалось еще труднее найти м. Полчаса перебирал он в руках брусочки один за другим и все не мог присмотреться к буквам настолько, чтобы легче узнавать их.

– Ты чего так смотришь, разве ты плохо видишь? – обратился к нему Павел Николаев, заметив на лице его выражение недоумения.

– Нет, я вижу, только я близорук немножко! – смущенно отвечал Петя.

– Чего там немножко? – подхватил рабочий, стоявший всех ближе к Пете, – видел я, как ты чуть не носом тыкался в кассу. Ну, скажи, что у меня в руке?

Петя видел что-то белое.

– Платок!.. – нерешительно проговорил он.

Рабочие громко рассмеялись.

– Как же ты идешь в наборщики, – сказал один из них, – когда за три шага листа газеты не видишь?

– Нет, брат, – прибавил другой, – у нас работать нужны глаза да и глаза; слепым нечего тут делать!

Петя с умоляющим видом посмотрел на Николаева.

– Жаль мне тебя, – сказал тот, – а надо правду говорить, в нашем ремесле с плохими глазами ничего не поделаешь. Не стоит тебе и начинать. Только время потеряешь, да еще, пожалуй, и совсем ослепнешь.

– Неужели же вы меня не возьмете? – чуть не со слезами в голосе спросил Петя.

– Я бы душой рад тебя пристроить, – отвечал Николаев, которому, видимо, искренне жаль было мальчика, – да никак невозможно. Управляющий ни за что не возьмет тебя, а хотя бы и взял, ты сам потом не рад будешь.

Петя стоял, грустно опустив голову, и не решался уйти из типографии. Он так надеялся несколько минут тому назад! И неужели опять ходить по улицам без пристанища, слушать суровые отказы, насмешки?..

– Не тоскуй, мальчик, не Бог знает какая сладость жизнь наборщика, – сказал один из рабочих, добродушно похлопывая его по плечу, – ты, может, что и получше найдешь. Иди себе, а то придет управляющий, забранит Николаева, что оставил тебя.

Петя грустно попрощался с наборщиками и побрел по улице без всякой цели, сам не зная в какую сторону повернуть.

Глава X

Для Пети начался ряд тяжелых, мучительных дней. Его мечта легко найти заработок рассеялась. В городе много было работы всякого рода, но еще больше людей, ищущих этой работы, людей сильных, здоровых, искусных, с которыми он не мог сравняться. Каждый вечер, приходя ночевать к Кондратьевне, он чувствовал все более и более уныния, утром ему все тяжелее и тяжелее было начинать бесполезные поиски. Денег у него уже не было ни копейки, он продал по-немногу и все белье, какое принес с собой в узелке, и свое драповое пальто, перешитое из старого гимназического.

– Что, паренек? Кажись, плохо тебе приходится? – участливо спрашивала Кондратьевна, глядя на его исхудалое, осунувшееся лицо. – Вернись-ка ты лучше с повинной домой. Авось, отец с матерью не расскажут.

Домой?.. Нет, об этом Петя не мог подумать без ужаса; уж лучше умирать с голода, чем опять выслушивать упреки матери.

Видя, что он не хочет или не может послушать ее совета, Кондратьевна принялась хлопотать о каком-нибудь местечке для него и раз вечером с торжеством объявила ему, что ее знакомый трактирщик согласен взять его к себе половым. Не очень приятной казалась Пете роль слуги в трактире, но он утешал себя мыслью, что это даст ему возможность про-

кормиться хоть несколько недель, пока отыщется что-нибудь получше. Три дня не приходил он ночевать к Кондратьевне, и она радовалась, что, наконец, пристроила-таки бедного мальчика; но на четвертый вечер она снова услышала его робкую просьбу: «позвольте мне постель», снова увидела его бледное, изнуренное личико.

– Это что же значит? Опять ты здесь? – вскричала она.

– Опять, – унылым голосом проговорил Петя; – не угодил я хозяину, говорит, я нерасторопный, неловкий... я старался... сегодня только беда вышла, два стакана разбил, он рассердился, прогнал...

Кондратьевна покачала головой.

– Экий ты неудачный какой! – заметила она: – ни в чем тебе нет счастья!

Петя и сам с каждым днем все более и более убеждался, что ему ни в чем нет счастья, ни в чем нет и не может быть удачи. Он попробовал по совету Сеньки заработать что-нибудь на вокзале, но и к этому оказался неспособен. Сенька и несколько других мальчиков, постоянно находившихся там при приходе и отходе поездов, умели ловко подскочить к пассажирам и вовремя предложить им свои услуги, а он то робел и боялся выдвинуться, то с мужеством отчаяния бросался вперед, кого-нибудь толкал, кому-нибудь наступал на ноги и от всех слышал только брань да сердитые окрики. Опять несколько дней не ночевал он у Кондратьевны, нечем было заплатить за ночлег и он принужден был спать на го-

лой земле в городском саду, прячась от сторожей за кустами. Питался он одним только хлебом, но, наконец, и хлеба не на что было купить.

– Неужели и вправду придется умирать с голоду? – с каким-то тупым отчаянием спрашивал он самого себя.

На выручку явился Сенька.

Узнав, что Петя ничего не ел накануне, и что ему не на что купить себе даже куска хлеба, он расхохотался.

– Экий ты, брат, дурень! – вскричал он: – одет франтом, а голодуешь! Разве умные люди делают так?

Петя с недоумением оглядел свой наряд. Как далек он был от франтовства! На высоких сапогах, подаренных ему Филимоном Игнатьевичем, появились дыры, темный триковый казакин его порыжел и залоснился, панталоны начали протираться.

– Нет, друг милый, ты еще не знаешь нужды, коли ходишь в сапогах, да снявши платье на ночь, остаешься в рубашке, – продолжал Сенька. – Ты прежде проешь все, что на тебе лишнего надето, да потом уж и плачься на бедность.

– Как же так проесть? – недоумевал Петя.

Сенька услужливо взялся помочь ему и через час он действительно освободился от всякой лишней одежды: на нем оказалось, всего-навсего, старая ситцевая блуза, заплатанные нанковые панталоны и дырявые сапоги, с обрезанными голенищами, но зато в кармане его лежала трехрублевая бумажка – голодная смерть была отсрочена на несколь-

ко дней. Опять он мог идти ночевать к Кондратьевне, и после нескольких ночей, проведенных под открытым небом, ему представлялось необыкновенно приятно протянуться на жестком соломенном тюфяке в ее низкой и грязной комнате. Кондратьевна с первого взгляда поняла, отчего Петя не был у нее эти дни, и стала пенять ему.

– Неужели ты думаешь, я бы тебя не пустила без пятака, – говорила она. – Не разбогатею я с твоих пятаков; смотри, другой раз не затевай пустяков, будут у тебя деньги – плати, а нет – не надо, найдется у меня для тебя угол.

Петя со слезами на глазах поблагодарил добрую женщину. Дома ему тяжело было, когда мать называла его дармоедом, попрекала тем, что он не может сам себе заработать куска хлеба, а вот он и в самом деле дойдет скоро до того, что чужие люди будут из милости давать ему приют.

Прошла еще неделя. Раз вечером Петя, подходя к домику Кондратьевны, заметил, что она стоит у ворот.

– Иди, иди скорей! – закричала она ему: – радость тебе скажу. Нашла для тебя местечко. Сейчас заходил ко мне садовник, знаешь, что на углу Мокрой, просит, не знаю ли я кого ему в помощники, он добрый, славный старик, тебе у него будет хорошо, я обещала, что ты придешь завтра утром.

Можно себе представить, с какой готовностью пошел на другой день Петя на угол Мокрой улицы. Садовник оказался почтенный, добродушный старичок с седенькой бородкой и веселыми голубыми глазками. Он принял Петю очень лас-

КОВО.

– До нынешнего года я сам всю работу справлял, – сказал он, – а зимой прихворнул, да как-то сразу всей силы и лишился, теперь без помощника не могу. Ты у меня поработай, а я тебя не оставлю. Пища тебе у нас будет хорошая, и жалованье положу, какое следует, старуха у меня добрая, будешь у нас жить не как работник, а как свой человек.

Пете очень понравился его новый хозяин и маленький домик в саду, где он жил с женой-старушкой, такой же белой и морщинистой, как он сам, и сад с чистыми, прямыми дорожками и бесчисленным множеством самых разнообразных цветов. Работа, которую поручил ему на первый раз садовник, была нетрудная: он должен был выполоть сорную траву из нескольких грядок гвоздики и резеды. Вследствие своей близорукости он наклонялся очень низко, чтобы различить то, что нужно вырвать, и работа у него шла медленно, но зато он исполнил ее совершенно аккуратно, так что садовник похвалил его. После сытного, вкусного обеда ему предстояло дело потруднее: он должен был железным скребком счищать траву с дорожек и на ручной тачке свозить сор в овраг за домом. Первые полчаса, час Петя проработал довольно бодро, но затем он почувствовал сильнейшую усталость. День был жаркий, солнце жгло ему голову и спину, пот крупными каплями выступал на лбу его; руки его ослабели; скребок его срезал траву, а не вырывал ее с корнем. Садовник подошел к нему.

– Э, нет! Ты не ладно делаешь! Вот как надобно! – заметил он и принялся работать рядом с мальчиком.

В его привычных руках дело так и кипело. Пете стыдно было отставать, и он напрягал все силы, чтобы получше действовать своим скребком. Он не хотел показать хозяину, как это ему страшно трудно, и работал, изнемогая от усталости.

– Ну, будет, – сказал, наконец, садовник, подходя с своим скребком к концу третьей дорожки, – остальное доделаем завтра, теперь давай тачку, я свалю в нее сор, а ты свези его в овраг за домом.

Петя подкатил тяжелую тачку и старик навалил ее доверху травой, вырытой с дорожек.

– Вези, да, смотри, осторожно, не вывали дорогой.

Садовник и не догадывался, как тяжело было бессильному Пете исполнить его поручение. Он бодро принялся подметать вычищенные дорожки и не заметил, что мальчик еле передвигает ноги и беспрестанно останавливается, чтобы перевести дух. Дотащившись кое-как до оврага, Петя не в силах был перевернуть тачку, а сам повалился рядом с ней в густую траву. Руки, ноги и грудь его ломило, он чувствовал страшную слабость во всем теле. С полчаса пролежал он таким образом, с закрытыми глазами, не шевеля ни одним членом, точно мертвый.

– Петя! Петр! – послышался голос садовника: – да куда же это он запропастился?

Петя встал, собрал все свои силы, чтобы опрокинуть тачку

и покати́л ее обратно в сад.

– А я боялся уж, не слетел ли ты и сам в овраг – засмеялся хозяин на встречу ему. – Ну, поставь тачку в шалаш, да давай цветы поливать, жара бедовая, того гляди все посохнет!

Боже мой! Опять работать, не отдохнуть ни минуты!

Целых два часа должен был Петя таскать большие лейки с водой от водопровода, находившегося посредине улицы, до сада и выливать их на цветочные клумбы. Беспреданно казалось ему, что больше он не может сделать ни шагу, что он вот-вот сейчас упадет, но садовник работал рядом с ним, делал то же, что он, и притом делал, по-видимому, так легко и свободно, что у него не хватало духу сознаться в своей слабости. Зато, когда последний куст был полит, садовник с видимым довольством сказал:

– Ну, будет, я уберу лейки; хозяйка, поди, уж ждет нас с ужином!

Но Петя не в силах был дойти до кухни, откуда доносился приятный запах кушанья, не в силах был даже думать о пище, а тотчас же направился в маленькую каморку в сенях, предназначенную служить ему спальней, и замертво повалился на постель, приготовленную для него заботливой хозяйкой.

– Что же твой работник не идет ужинать? – спрашивала старушка садовница у своего мужа: – каков он в работе?

– Кажется, слабенок, – отвечал садовник, – истомился, должно быть, спать лег, может поправится у нас на хорошей

пище, мальчик он старательный, понравился мне.

Проснувшись на следующее утро, Петя чувствовал слабость во всем теле и сильную боль в плечах.

«Это с непривычки, может обойдется!» – утешал он себя.

Когда за завтраком хозяйка стала приветливо уговаривать его поесть побольше, чтобы набраться сил, а хозяин заметил, что нарочно не будил его, дал ему вдоволь выспаться, ему страстно захотелось, чтоб «обошлось», чтобы у него хватило сил работать с этим добрым стариком.

Илья Фомич правду сказал жене, что Петя понравился ему. Он видел, как мальчик тщательно старался скрывать свою слабость, как он был прилежен и терпелив, ему стало от души жаль его.

«Ишь он какой дохлый! – думал старик, глядя на бледного, тщедушного мальчика, – с него нельзя требовать, как с другого, пусть себе живет у нас да поправляется, я ведь пока что и сам могу работать».

И он стал поручать Пете только самые легкие работы, все же трудные делал сам. Петя не замечал великодушной хитрости своего хозяина и чувствовал себя отлично. Здоровая пища и легкая работа на свежем воздухе укрепляли его силы, доброе, ласковое обращение старичков успокаивало и бодрило его. Так прошло недели две.

Настасья Марковна стала замечать, что муж ее возвращается домой из сада очень усталый, часто за ужином и за обедом ест неохотно и сидит молча, чего с ним прежде не быва-

ло, а утром с большим трудом поднимается с постели.

– Что с тобой, Фомич, – приставала она к нему, – не болит ли что у тебя? Не сходить ли тебе к доктору?

Илья Фомич нетерпеливо отвечал, что совершенно здоров и совсем не намерен лечиться, но щеки его все более бледнели, а веселые глазки тускнели.

В субботу вечером происходила обыкновенно уборка сада; при этом Петя только обрезал сухие ветки и листья да подметал дорожки, а Илья Фомич и копал, и чистил, и вывозил прочь негодную траву и таскал воду для поливки: принеся последнее ведро воды, старик вдруг почувствовал себя дурно.

– Полей... Немного осталось... – слабым голосом сказал он мальчику, – а я пойду... – и он, шатаясь, направился к дому.

Петя принялся доканчивать поливку сада, но внезапная болезнь хозяина встревожила его. Он наскоро вылил лейку воды на последнюю грядку и пошел к дому. Ни в кухне, ни в чистой горнице хозяев не было, но в спальне слышались голоса. Петя остановился, чтобы послушать, что говорит хозяин о своей болезни.

– Не брани его, – услышал он ослабевший голос Ильи Фомича, – он не виноват, он мальчик добрый, только силенки у него не хватает. Я лишнее поработал, устал, это не беда, отдохну, пройдет.

– Как не беда! – озабоченно отвечала Настасья Марков-

на: – помнишь, что тебе говорил доктор зимой, работать можно, только не утомляться, а ты, смотри, сам на себя не похож стал.

– Жаль мне мальчика-то, – снова заговорил Илья Фомич, – куда он пойдет, коли мы его отошлем?

– Жаль, что и говорить, – согласилась Настасья Марковна, – а все же своя жизнь дороже...

Петя не слушал больше. Он выбежал из комнаты и запрятался в самый дальний угол сада.

В висках его стучало, судорога сжимала ему горло.

Правду говорила Кондратьевна: нет ему счастья, нет ему удачи на свете!.. Первый раз пришлось ему встретить истинно добрую семью людей, с которыми приятно бы пожить; они приняли его приветливо, приютили, приласкали, и что же? Он приносит им горе, чуть ли не смерть! Что ему теперь делать? Сказать Илье Фомичу, что он все слышал, что он не даст ему больше работать за двоих, а сам будет все делать... Но ведь у него не хватит сил, он опять будет падать и изнемогать, как в первый день. Нет, бедному старику нужен здоровый, сильный работник, чтобы он мог отдохнуть, поберечь свое здоровье. Остается одно – уйти, уйти поскорей, не сказавши отчего, а то станут удерживать, отговаривать и, пожалуй, удержат. Ведь здесь так хорошо, в этом саду, в этом мирном домике. А там на улице опять бесприютность, опять это мучительное искание работы...

Он закрыл глаза руками и не мог сдержать рыданий, ко-

торые вырвались из груди его. Несколько минут просидел он таким образом, потом быстро встал и с решительным видом направился к калитке сада. Вещей у него никаких не было, так что ему нечего было уносить с собой; паспорт он решил оставить пока у Ильи Фомича.

– Понадобится – так зайду! – подумал он и быстро вышел из сада, боясь оглянуться, чтобы не переменить своего намерения, не ослабеть, не вернуться назад...

Глава XI

Долго шел Петя, сам не замечая куда, по каким улицам. Вдруг он вздрогнул: бессознательно, как-то сами собой, ноги принесли его к домику Кондратьевны.

«Нет, нет, не сюда, к ней-то уже мне ни за что нельзя!» – почти с ужасом подумал мальчик и быстро повернул в другую сторону. Пройдя несколько улиц и переулков, он очутился за городом, на берегу реки. Солнце уже зашло, на западе рдела заря, от реки тянуло свежим ветерком. Петя опустился на траву. Здесь ему нечего бояться, что его удержат, вернут, здесь он один... Все тихо кругом, только в траве стрекочет кузнечик, да в кустах еще возятся и щебечут птички, размещаясь на ночной отдых. Вид природы в тихий летний вечер не произвел успокаивающего действия на душу мальчика. Напротив, самые тяжелые, мучительные мысли осаждали его.

Опять остался он без приюта, но теперь ему еще хуже, чем прежде. У него нет ни копейки денег, никакой одежды, кроме ситцевой рубашки, подаренной ему Настасьей Марковной, главное, нет ни одного друга, никого, кто пожалел бы его, помог ему, посоветовал, утешил... Вернуться домой?.. Об этом нечего думать. Мороз подирал его по коже, когда он представлял себе, как покажется на глаза отцу и матери, братьям и сестрам, что станут говорить и они, и все их со-

седи, когда он явится к ним нищим. Опять искать работы в городе?.. Но вот уже два месяца как он ее ищет, и все напрасно... Для него нет работы, нет дела! Куда, к кому он ни обратится, везде он лишний, никому ненужный!.. Хоть бы умереть! Все говорят, что он слабый, болезненный, а он все жив и даже здоров... Умереть... Как бы хорошо! Кончились бы все страдания... Тогда и мать с отцом простили бы его, мертвых не бранят... Умереть...

Он сошел к самой реке... Светлая, прозрачная вода тихо струилась у ног его...

Петя набожно перекрестился несколько раз и занес ногу в воду... Вдруг над самой головой его наверху обрыва раздался плач и детский голос, прерываемый рыданиями:

– Помогите! Кто-нибудь придите, помогите!..

Петя вздрогнул... Он вбежал на крутой берег. Недалеко от того места, на котором он сидел за несколько минут, стоял мальчик лет одиннадцати, беспомощно протягивая вперед руки.

– Что ты кричишь? Что тебе нужно? – спросил у него Петя.

– Я не знаю, где я, проводите меня! – рыдал ребенок.

Теперь только Петя заметил, что бедный мальчик слеп.

«Вот еще несчастный, пожалуй, еще несчастнее меня», – мелькнуло в голове его.

– Куда же тебя вести? Где ты живешь? – спросил он.

– В приюте для слепых, на Московской улице, знаете?..

– Знаю, я видел вывеску приюта, пойдём.

Мальчик доверчиво положил свою руку в Петину и пошел с ним назад в город. Дорогой он рассказал, каким образом очутился один в пустынном месте. Оказалось, что один купец, знакомый его покойного отца, взял его к себе погостить на несколько дней и затем отослал его назад в приют с мальчиком, служившим у него в лавке. Мальчику показалось скучным вести слепого; он завел его в какой-то переулок и велел ему ждать себя там, а сам побежал играть с товарищами. Слепой соскучился дожидаться, надеялся, что найдет дорогу ощупью и пошел один, но повернул не в ту сторону, в какую следовало, и очутился за городом.

– Плохо быть слепым! – вздохнул он, заканчивая свой рассказ, – кажется, хуже этого и быть ничего не может.

– Бывает и хуже! – сквозь зубы заметил Петя. – Ты в приюте и сыт, и одет, и ремеслу тебя какому-нибудь выучат, а другой и с двумя глазами да без куска хлеба сидит.

Слепой остановился и быстро провел рукой по лицу и по платью Пети.

– Это ты без хлеба? – спросил он с любопытством и участием в голосе.

– Может, и я! – мрачно отвечал Петя. – Идем скорей, чего стоять посередине улицы, уж поздно.

Мальчик замолчал и прибавил шагу. Через несколько минут они подошли к деревянному дому, на котором виднелась вывеска: «Приют для слепых».

От улицы дом отделялся палисадником, из которого был ход прямо на небольшую террасу вокруг трех средних окон нижнего этажа. На этой террасе сидел мужчина средних лет и курил сигару, видимо наслаждаясь прелестью летней ночи.

Он увидел приближавшихся мальчиков.

– Миша, это ты? – позвал он: – что так поздно?

Слепой почти побежал на звук знакомого голоса, увлекая за собой своего провожатого.

– Еще бы не поздно! Если бы вы знали, Дмитрий Васильевич, что со мной случилось, – и он начал взволнованным голосом рассказывать, как его бросил дрянной мальчишка, как он чуть не умер от страха и как он обрадовался, когда с ним заговорил «этот добрый человек».

Дмитрий Васильевич проворчал что-то насчет бессердечия людей вообще и детей в особенности и затем, обращаясь к Пете, поблагодарил его за услугу, оказанную бедному слепому. Несмотря на ночную темноту, он заметил бедную одежду Пети и, вынув из кармана двугривенный, протянул ему монету. Петя вспыхнул до корней волос. Это была милостыня, а он до сих пор, несмотря на всю свою нищету, ни разу не просил милостыни.

– Не надо, ничего мне не надо... Я не для того... – проговорил он, отстраняя монету.

– Чего не надо? – вмешался Миша: – ты мне говорил, что у тебя нет куска хлеба! Тебе наверно надо поесть.

Слова Миши и отказ Пети от монеты заставили Дмит-

рия Васильевича заинтересоваться бедняком, стоявшим перед ним.

– Дети собираются ужинать, – ласково сказал он ему, – если хотите, поужинайте с ними; если вы живете далеко, вам можно и переночевать у нас; у нас много места.

От этого приглашения Петя не имел сил отказаться. Теперь уже Миша повел его с террасы прямо в комнату, где за длинным столом сидело человек двенадцать мальчиков от десяти до шестнадцати лет. Они не могли видеть Петю, но по шуму шагов узнали, что с Мишей вошел «кто-то чужой», и забросали своего маленького товарища вопросами: «Кто это? Зачем пришел? Не слепой ли?» Миша и им рассказал случившуюся неприятность и рассказал гораздо подробнее, чем Дмитрию Васильевичу. При этом он не забыл передать поразившие его слова Пети, что есть люди несчастнее слепых, и что им, слепым, хорошо жить в приюте, где они и сыты, и одеты, и учатся ремеслу. Между тем подали ужин, вошел Дмитрий Васильевич и стал раскладывать всем мальчикам их порции. Петя с удивлением видел, как слепые поочередно вставали, твердыми шагами подходили к директору и, получив от него свою тарелку с кушаньем, точно так же твердо, не сталкиваясь друг с другом, не натываясь на мебель, возвращались к своим местам. Ему Дмитрий Васильевич наложил вдвое больше, чем другим, но после всех пережитых в этот вечер волнений он не чувствовал голода; час тому назад он, там, на берегу реки прощался с жизнью, и вдруг он

здесь, в этой освещенной зале, среди каких-то странных детей, далеко не похожих на обыкновенных... Все это походило на какой-то волшебный сон!..

За ужином слепые не переставали болтать. Появление чужого человека среди них было редкостью, и они бесцеремонно ощупывали Петю и расспрашивали его о его жизни. Пете, конечно, не было ни малейшей охоты подробно рассказывать этим совсем посторонним мальчикам все, что он пережил; чтобы занять их, он стал описывать им деревню, где родился, и свою бабушку, которая была так же слепа, как они и, несмотря на это, не чувствовала себя несчастной.

– Она верно научилась всем своим работам, когда еще хорошо видела, – заметил один из старших мальчиков; – к нам ходит мастер, который учит нас плести корзины, но нам это очень трудно.

– Не знаю, – отвечал Петя, – когда я был маленький, бабушка меня учила разным работам, и я умел их делать, почти не глядя на руки. Я очень любил бабушку, и мне даже хотелось быть слепым, чтобы походить на нее.

– А теперь вы можете делать эти работы? – спросил Дмитрий Васильевич, прислушивавшийся к разговору мальчиков.

– Право, не знаю, я давно не пробовал; если бы у меня была солома или прутья, я, может быть, и вспомнил бы.

После ужина мальчики повели Петю в свою классную комнату, показали ему книги, напечатанные нарочно для слепых крупным выпуклым шрифтом и хвастали, что уме-

ют читать. Действительно, они так быстро водили пальцами по строкам и осязание их было так тонко, что они разбирали слова не хуже и не медленнее зрячих. Петя попробовал также ощупью узнавать буквы, но беспрестанно ошибался, что очень смешило маленьких слепых.

– Не понимаю, отчего вам трудно плести корзины, когда вы можете так хорошо читать! – вскричал Петя.

– Это оттого, что читать и писать нас учит Дмитрий Васильевич, – объяснил один из старших мальчиков, – он умеет учить, а плести показывает нам один корзинщик, мы у него ничего не понимаем.

– Вот посмотрите, как мы плетем! – прибавил другой мальчик, доставая из большого шкафа в углу комнаты грубую корзину, до половины сплетенную, видимо, очень неумелыми руками.

– Да, это не очень хорошо! – согласился Петя. – Вы замечаете, в чем нехорошо? – обратился он к старшему мальчику и, взяв его руки, заставил его ощупать все неровности работ.

– Замечаю, замечаю! – вскричал тот: – но как же это исправить?

Петя вспомнил все те приемы, посредством которых учила его слепая бабушка и с помощью них показал мальчику, как сделать плетенье ровным и чистым. Мальчик относился очень внимательно ко всем его указаниям, и когда через полчаса Дмитрий Васильевич пришел звать детей ложиться спать, он с торжеством показал ему свою работу. Дмитрий

Васильевич внимательно осмотрел ее и затем обратился к Пете с вопросом: «очень ли он устал, может ли подождать пока дети улягутся и тогда поговорить с ним?» Хотя Петя чувствовал и усталость, и желание поскорее остаться одному, чтобы придти в себя от разнообразных впечатлений этого дня, но он, конечно, охотно согласился ждать Дмитрия Васильевича. Через полчаса, убедившись, что все его воспитанники спокойно лежат в постелях, директор вернулся к Пете.

– Я заметил за ужином, – сказал он ему, усадив его на стуле против себя, – что вам было неприятно отвечать на расспросы детей, но со мной вы можете быть менее скрытным. Я буду спрашивать вас не из пустого любопытства. Скажите, отчего вы не живете с родителями? Чем вы занимаетесь?

Серьезное и в то же время приветливое обращение Дмитрия Васильевича внушало доверие. Пете нечего было таиться и он в кратких словах рассказал всю свою историю...

– Вот что я вам скажу, – заговорил Дмитрий Васильевич, молча выслушав его рассказ, – я давно ищу кого-нибудь, кто выучил бы мальчиков полезным ремеслам, но никак не могу найти подходящего человека. Выписывать знающего мастера из Петербурга или из Москвы слишком дорого, средств у приюта немного, его содержит на свои деньги один купец, который и так достаточно пожертвовал для него, а здешние мастеровые совсем не умеют обращаться со слепыми, они сами хоть и порядочно работают, но выучить чему-нибудь,

особенно слепого, никак не могут. Поживите у нас и попробуйте заняться с мальчиками. Я видел, как вы сегодня учили Федю. У вас есть к этому способность. Ну, что, согласны?

Слушая слова Дмитрия Васильевича, Петя то краснел, то бледнел. Неужели это не сон, а правда? От волнения бедный мальчик не мог усидеть на месте. Он вскочил со стула и смотря растерянными глазами на Дмитрия Васильевича, как-то бессмысленно бормотал.

– Я что же... Я ничего... Я конечно согласен...

Дмитрий Васильевич улыбнулся.

– Ну и чудесно, – сказал он, ласково потрепав Петю по плечу. – Значит, с завтрашнего дня вы мой помощник. Я поговорю о вас Захару Степановичу, это учредитель приюта, – большого жалованья он вам на первое время не назначит, но вы, как видно, человек не прихотливый, будете довольны. А теперь пора спать. Завтра в семь часов встают дети, в восемь они пьют молоко, а я чай, вы можете получить и того и другого, если захотите. Я проведу вас в спальню; сегодня ложитесь с детьми, там есть свободная кровать, – у нас еще две вакансии не заняты, – а завтра я вам устрою отдельную комнату.

Он провел Петю в большую спальню, где в два ряда стояли кровати слепых мальчиков. Две кровати в заднем углу комнаты были свободны и на одной из них, покрытой грубым, но чистым бельем, Дмитрий Васильевич предоставил Пете расположиться на ночь.

Неужели это не сон, неужели это правда? – неотступно вертелось в голове мальчика, когда он прислушивался к мерному дыханию спавших, когда он при слабом свете ночника видел очертания кроватей и лежавших на них детских фигур. «Должно быть, это сон, я сейчас проснусь... увижу Кондратьевну, Сеньку»... Но вместо того, чтобы проснуться, он в самом деле заснул, не успев дать себе отчета в той удивительной перемене, какая произошла в судьбе его в этот день.

Глава XII

Прошло двенадцать лет. В барском доме Медвежьего Лога господствовало оживление. Там опять проводили лето владельцы имения – не Федор Павлович и Александра Петровна, они оба уже умерли, а молодые наследники их, Виктор Федорович и Борис Федорович Красиковы.

Оба они давно уже не были в деревне. Виктор Федорович приобрел известность, как необыкновенно ловкий и красноречивый адвокат. Борис Федорович, окончив университетский курс, получил хорошее место в одном из министерств.

В ясный июньский вечер оба брата сидели с сигарами в руках на террасе, обвитой хмелем и диким виноградом. В некотором отдалении от них помещался молодой человек, одетый в полу деревенский, полугородской костюм, пиджак, застегнутый на все пуговицы, и широкие панталоны, засунутые в высокие сапоги. В этом степенном, почтительном на вид человеке нам трудно узнать озорника Федюшку, а между тем Федор Иванович был теперь уже управляющим имением. Молодые господа толковали о разных хозяйственных делах, как вдруг Виктор Федорович вспомнил о Пете.

– Ах, послушайте, – перебил он словоохотливую речь управляющего, – ведь у вас, помнится, был еще брат, кажется, Петром его звали, скажите, пожалуйста, что с ним сделалось?

Федор Иванович как-то безнадежно махнул рукой.

– Уж и не спрашивайте, – грустно сказал он, – именно, как говорят, в семье не без урода, совсем неудачный вышел...

– Что же с ним? Спился? Проворовался?

– Нет, от этого Господь спас, а только посеичас не сумел он пристроиться, как следует. Такой бесталаный. Ваш покойный батюшка, царство ему небесное, хотел ему добро сделать, наукам обучить, он не воспользовался; потом Филимон Игнатьевич его к своей торговле приучал, и того он в понятие не взял. Теперь, слышим, живет в Н. в каком-то приюте для слепых, обучает их, значит... Прошлым летом приезжал повидаться с нами, ничего у него нет, ни из одежды, ни из вещей, жалованьишко ничтожное получает, так себе, только что с голоду не помирает...

– Экий бедняк!.. Я помню, он, когда у нас еще мальчиком жил, и тогда был какой-то простоватый, – заметил Борис Федорович.

– Простоват-то он простоват, – вздохнул Федор Иванович, – да и удачи ему как-то нет. Так уж несчастным родился.

Неужели в самом деле Петя заслуживал эти сожаления, неужели в самом деле он был несчастным? Федор Иванович сказал правду, жалованье он получал небольшое, не накопил себе ни денег, ни вещей, но если бы вы увидели его в ту самую минуту, когда о нем шла речь на террасе господского дома Медвежьего Лога, право, вы не сказали бы, что он несчастлив, не пожалели бы его. В течение двенадцати лет

приют для слепых в городе Н. разросся, многие благотворители приняли участие в добром деле Захара Степановича и теперь в приюте воспитывалось до пятидесяти мальчиков. Дмитрий Васильевич должен был пригласить еще двух помощников для присмотра за детьми и для занятий с ними, но их любимым учителем был и оставался Петр Иванович. В тот июньский вечер, о котором мы начали говорить, в приюте был праздник: трое слепых, окончивших курс в приюте, открыли вместе самостоятельную мастерскую всяких плетеный из соломы и тростника и, получив накануне очень выгодный заказ, пришли поделиться радостью со своими бывшими учителями и товарищами. Дмитрий Васильевич устроил им скромное угощение: в палисадник вынесли длинный стол и поставили на него тарелки с пирогом, с холодным мясом и недорогими закусками да две-три бутылки дешевого вина. Учителя и старшие воспитанники шумно пили за процветание новой мастерской и за здоровье ее молодых хозяев.

– А теперь, господа, – громко провозгласил Дмитрий Васильевич, – я предложу тост, который наверно будет всем вам по душе. Выпьем за здоровье того, кто первый ввел в наш приют занятие ремеслами и сумел так хорошо поставить это дело. Выпьем за здоровье нашего дорогого Петра Ивановича!

– Здоровье Петра Ивановича! Ура! Петр Иванович! Ура! На многие лета здоровья! – закричали все присутствующие, и далеко по тихой улице пронесся этот крик...

Петр Иванович краснел, маленькие глазки его слезились, ему хотелось чем-нибудь выразить свою благодарность. От волнения он мог пробормотать только несколько несвязных слов, но некрасивое лицо его сияло полным счастьем.

Да, он не нажил ни богатств, ни чинов, ни важного положения в обществе, дело его скромное, невидное, но оно ему по душе... Он пользуется любовью и уважением окружающих, он приносит пользу людям, обделенным судьбой еще больше, чем сам он, можно ли жалеть его, называть его неудачником!..